

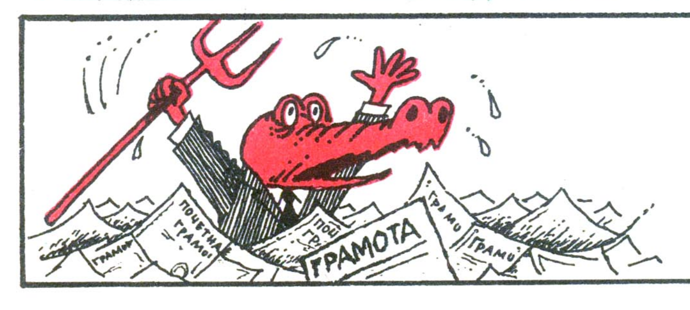
КРОКОДИЛ

ISSN 0130-2671

№ 16 ИЮНЬ 1989

ПРИВЕТ ВЫПУСКНИКАМ

Е. ОСИПОВ,
г. Ленинград.

Наш народ — самый «грамотный» в мире!

Доказательства — на стр. 8.

КРОКОДИЛ

№ 16 (2638)
июнь 1989

ИЗДАЕТСЯ
С ИЮНЯ
1922 ГОДА

ИЗДАНИЕ
ГАЗЕТЫ
«ПРАВДА»

ЖУРНАЛ ВЫХОДИТ
ТРИ РАЗА В МЕСЯЦ

Сдано в набор 28.04.89.
Подписано к печати 10.05.89.
А 08848.
Формат бумаги 70×108⅛.
Бумага офсетная.
Офсетная печать.
Усл. печ. л. 2,80.
Усл. кр.-отт. 11,20.
Уч.-изд. л. 4,54.
Тираж 5 200 000 экз.
(1-й завод: 1 — 2 600 079).
Зак. № 587.
Цена 30 коп.

НАШ АДРЕС: 101455,
ГСП-4, Москва,
Бумажный проезд, д. 14.

ТЕЛЕФОНЫ ОТДЕЛОВ:
экономики — 250-46-68,
морали и права — 250-16-63,
литературы — 250-09-70,
писем — 212-13-93,
международного — 250-45-78,
художественного — 212-30-00.
Приемная — 250-10-86.

Отпечатано в типографии «Уральский рабочий», гор. Свердловск, проспект Ленина, 49.
Тираж 5 300 000 экз. (4 завод 4 000 001—5 300 000). зак.1842

ЗЛОБОДНЕВНЫЙ КОММЕНТАРИЙ

ЧАСТНОЕ ЛИЦО

Частное лицо в зависимости от взгляда на него обзывают по-разному. Кто частным сектором, кто индивидуальным, а кто и просто частником. Проще говоря, несоциалистический элемент. Ибо социализм строится исключительно коллективным способом. И никакой частной собственности при социализме нет и быть не может. А если у кого и завелась дача, автомобиль или, допустим, корова, то эта корова никакая не частная, а личная.

Но тут началась перестройка, и эти железобетонные конструкции слегка пошатнулись. Выяснилось, к примеру, что если владелец коровы берет вдруг в аренду целую молочную ферму, то он уже никакой не частник, а арендатор и его надо всячески приветствовать и поднимать на щит, поскольку сверху даны указания, а недавно издан особый Указ об аренде и арендных отношениях в СССР.

И теперь законо- и директивопослушные начальники на местах, несомненно, бросятся выполнять предписания вышестоящих органов.

Но это касательно арендаторов. Которые заключили договора об аренде и взяли под свое покровительство ферму или, скажем, бахчу. Или стали откармливать стадо бычков.

А как быть с тем же владельцем, но не стада, а одиночной и к тому же личной коровы? Ведь он же типичный частник. И доит он эту свою корову исключительно в личных целях — для добывания молока, которое выпивает сам или в узком семейном кругу. А если и надумает продать, к примеру, сметану или масло, то норовит это сделать на рынке.

Естественно, такого несоциалистического хапугу надо как следует поприжать. Дабы неповадно было.

...Тут веселый и находчивый читатель меня прервет и спросит: с кого вы портреты пишете? Где это такой замшелый выискался бюрократ, который недооценивает роль индивидуального хозяйства на современном этапе? Помнится, в свое время были такие намерения — ликвидировать приусадебные хозяйства, чтоб, дескать, не отвлекали крестьянина от самоотверженного труда на колхозно-совхозных полях и фермах. Так это когда было! Четверть века тому! Чего сейчас вспоминать о делах давно минувших лет?

Не минувших, дорогие товарищи. Не минувших! Вот пишет нам механизатор Н. Титенко из Большереченского района Омской области: «Скажите, где пасти скотину, если под самые огороды и дома все распахивается, вот и сейчас мы распахиваем остатки лугов, где паслась коровка. По сути, это малопригодная для возделывания земля — солончаки и суглинки вперемежку с хорошей землей, и вот все это под плуг...» А дальше Николай Прокопьевич рассказывает, что руководство хозяйства не выделяет крестьянам покосов, ссылаясь на отсутствие пастбищ «для частных коров».

Но, может, такое только в одном хозяйстве?

Вот что сообщает Госкомстат СССР: «По данным выборочного обследования на 1 октября 1988 года, 43 процента семей колхозников и 57 процентов семей работников совхозов не имели коров...» И вообще: «доля семей, не содержащих скот, не уменьшается».

В чем же дело? Почему исчезает скот с крестьянского подворья? Почему хиреют приусадебные хозяйства? Может, обленился крестьянин, неохота ему вставать чуть свет к своей коровке?

Нет, не крестьянин виноват. И мы можем судить об этом по редакционной почте.

Почему колхозник должен вымаливать у председателя луг для покоса? Почему преимущественное право на комбикорма имеют малопродуктивные общественные коровы, а частные должны довольствоваться соломой или низкосортным сеном, хотя дают вдвое или втрое больше молока? Почему на частника мясокомбинат смотрит сквозь щелку в воротах, частенько давая от этих самых ворот крутой поворот? И кто, где и когда сказал, что «Кировец» — да, а мотоблок — нет?

Впрочем, тут я, кажется, зарапортовался. Раз «Кировцы» строят, а мотоблоки никак не пробьют себе дорогу, значит, «есть такое мнение».

А ведь по только что опубликованным данным того же Госкомстата СССР, в прошлом году индивидуальный сектор дал стране 2341 тысячу тонн мяса, свыше семи с половиной миллионов тонн молока, 2165 тысяч тонн картофеля и множество другого добра.

Пора наконец признать, что крестьянское подворье — это та же аренда, а крестьянин-частник — тот же арендатор. И этот факт весьма четко отражен в новом Указе об аренде (статья 4). В ней сказано: «Лицам, занимающимся индивидуальной трудовой деятельностью в сельском хозяйстве (крестьянским хозяйствам), могут предоставляться в аренду земельные участки... с учетом возможности их обработки личным трудом членов крестьянского хозяйства».

Социализм в деревне строится не только с помощью колхозов, совхозов и подсобных хозяйств. Социалистическими производственными отношениями являются и семейная аренда, и коллективный подряд, и личное приусадебное хозяйство.

Юрий БОРИН,
редактор отдела экономики.

В. ЛУГОВКИН.

С самого начала просим обратить внимание на то, что учитель Пузиков по причине неубедительных анкетных данных (50 лет, не был, не привлекался, не участвовал) до сих пор сидит на старом продавленном диване и не имеет заветной стенки «Слава-29», в которой намеревался разместить книги и накопившиеся пожитки. Сидя на таком диване, он шлет SOS во все концы: просит помочь в приобретении до зарезу нужной мебели.

А почему бы, подумает неискушенный читатель, не пойти Пузикову в магазин и не меблироваться там по своему вкусу?

Такой вопрос возник и в редакции, командировавшей своего корреспондента в мебельные магазины и руководящие ведомства, чтобы выяснить:

ПОЧЕМУ ПОКУПАТЕЛЬ ШЛЕТ SOS

Посещение магазинов Мосмебельторга подтвердило: да, этим магазинам пора бороться за звание мебельных.

Конечно, сказать, что в торговле совсем уж ничего нет, нельзя. Есть... дефицит. Но бывает и мебель. До 1986 года были даже трудности с ее реализацией. С тех пор производство мебели увеличилось и в стоимостном выражении, и в штуках (в 1988 году, например, произведено на 8% более, чем в 1987-м). Импортные поставки на прежнем уровне.

А мебель не купить. В чем же дело? Говорят: денег, мол, много у населения, а ажиотажный спрос подрубает торговлю под корень. Но позвольте. Из среднедушевого дохода на одного члена семьи — 143 рубля в месяц,— по данным Госкомстата, на приобретение мебели тратится только малая часть — 7,4%.

А насчет ажиотажного спроса: это ведь не сахар и не мыло, в запас-то не положишь. Лишний диван в наших квартирах не разместить, а о втором гарнитуре и речи нет.

Так что причина неожиданного возникновения мебельного дефицита так же неясна, как и природа неизвестного вирусного гриппа. Болезнь налицо, а вирус требует своего исследования.

Зато с торговлей мебелью — ясно. Торговля как таковая приказала долго жить. То, что происходит сейчас в магазинах, даже отдаленно ее не напоминает. В момент открытия магазин похож на осажденную крепость. Взяв ее штурмом, покупатели поначалу решают, что рвались сюда не зря. Интерьеры жилых комнат «Диско» и «Эдвард», спальня «Луи» примиряют с оторванными пуговицами и четырехзначными цифрами на ценнике. Покупатели чувствуют себя на седьмом небе!

Не была исключением и я, разглядывая симпатичную стенку «Слава-29», так приглянувшуюся учителю Пузикову.

За этим моим занятием пристально наблюдали две фигуры. Одна из них, продавец в синем халате, с эмблемой магазина на лацкане, моментально спустил меня с небес на землю.

— Мы не торгуем мебелью,— сказал он.— Это образцы.

— А где же торгуют мебелью?

— Нигде,— пояснил продавец.— Мебелью не торгуют. Ее распределяют передовикам производства передовых предприятий и другим лучшим людям. Сами понимаете — дефицит,— сказал он как отрезал. И удалился.

И тотчас же рядом вырос второй фигурант. Хотя и без синего халата и без эмблемы, но, как оказалось, тоже продавец. Правда, из «неформалов», которых в народе называют еще мебельными «жучками».

— Что надо? — прошипел жучок-неформал.

— Да вот,— показываю,— «Слава-29»...

— Два номинала,— назвал он цену,— зато меблируетесь как Герой Труда, участник или ветеран...

Я, правда, никак не могла уразуметь, при чем же здесь высокие заслуги и покупка мебели, а потому решила выяснить:

КАКИЕ АНКЕТНЫЕ ДАННЫЕ НАДО ИМЕТЬ, ЧТОБЫ ПРИОБРЕСТИ ДИВАН ИЛИ СТЕНКУ?

При слове «мебель» у советского человека начинается нервная дрожь. Особенно если этот человек новосел. Где купить гарнитуры мягкой мебели, стенки? Где, в каких тайных закромах хранятся наборы для жилой комнаты или спальни?

Новосел (а равно и старожил) безнадежно тоскует по тем временам, когда все это можно было просто так купить в мебельном магазине. Ныне мебель не покупается, а распределяется. И для того, чтобы удостоиться, к примеру, стенки, надо быть выдающимся передовиком производства или хотя бы инвалидом войны. А как быть всем остальным?

Вот мы поставили себе задачу: к 2000 году обеспечить каждую семью отдельной квартирой. А чем ее, простите, обставить? Уж не вернуться ли к временам печек-лежанок, полатей и лавок вдоль стен?

Крокодил решил изучить мебельную проблему со всех точек зрения — распределения, производства, качества, поручив своим спецкорам подготовить серию фельетонов. Сегодня мы печатаем первый материал из этой острозлободневной серии.

Аза ПАВЛОВА, специальный корреспондент Крокодила

ДВА НОМИНАЛА

НУЖНО УПЛАТИТЬ, ЧТОБ КУПИТЬ МЕБЕЛЬНЫЙ ГАРНИТУР

Муж внезапно вернулся из командировки...

Ответ на этот вопрос — в совместно принятом постановлении исполкома Моссовета и МГСПС от 10 марта с. г.

На первый взгляд ведомствам удалось решить хитроумную задачку: как внедрить социальную справедливость в торговлю мебелью, не устраняя дефицита того и другого. Подошли просто: свободную торговлю — побоку. Вместо нее ввели распределение по принципам: а) приоритета предприятия в торговом обслуживании товарами повышенного спроса и б) преимущества в торговом обслуживании отдельных категорий населения.

...и застал в спальной комнате новый двустворчатый шкаф.

Итак: очереди сохраняются, только в них теперь будет находиться не население, а предприятия. Что же касается населения, то преимуществами наделены 23 категории граждан. Участники и инвалиды Великой Отечественной войны, ветераны партии, лица, имеющие инвалюту во Внешэкономбанке, и др. К ним примыкают неработающие пенсионеры.

Все прочее, второсортное население,— сиди на старом диване и не рыпайся.

Стоило познакомиться с кухней такого распределения, чтобы узнать, как ведутся эти

АППАРАТНЫЕ ИГРЫ

Вполне логично, что сначала занимаются ими в Главторге Мосгорисполкома и МГСПС: кто принял решение, те и делят. Сначала, естественно, между собой. Главторг, например, на этот год выделил МГСПС для «приоритетных организаций» 186,5 тысячи наборов, гарнитуров и проч. (из 250 тысяч). Остальное — торговле, но с предварительным распределением через Мосмебельторг, исполкомы и советы ветеранов среди граждан, «имеющих преимущество в торговом обслуживании...».

Занимается дележом в Главторге один человек в отделе организации торговли, в МГСПС — несколько человек в отделе социального развития. Утверждает, естественно, руководство.

Распределение тем и опасно, что не только разрушает торговлю, но вносит и субъективизм при «дележе». Вот как поделили, например, в прошлом году в МГСПС 1300 импортных гарнитуров «Гай», «Капри», «Классик», «Луи» и др. Дали их шести отраслевым профсоюзам (из 31!). Причем двум — профсоюзу оборонной промышленности и профсоюзу рабочих строительства и промстройматериалов — выделили соответственно 168 и 68. Прочим четырем разделили остальное почти поровну, осчастливив медиков, работников госучреждений, культуры, науки и просвещения. Не забыли, конечно, и себя, снабдив одиннадцатью гарнитурами... Спору нет: и медикам, и артистам, и служащим мебель нужна так же, как, впрочем, и рабочим, и инженерам. Но почему остальным-то профсоюзам шиш?

Выходит, принципы распределения можно менять, как устаревшую мебель?

И меняют. Больше того, в распределение втягиваются власть имущие, притом вовсе не «мебельного» и не «профсоюзного» круга. Например, гражданка Ч., ссылаясь на то, что она ветеран труда и партии, пишет заявление уже не в мебельную инстанцию, а напрямую в МГК КПСС.

«У меня будет юбилей (70 лет),— делится она с горкомом своей радостью,— приедут гости. Прошу дать гарнитур — жилую комнату румынского или югославского производства, чтобы я подвела итог своей жизни уютно и с хорошим настроением».

На горком доводы, похоже, произвели

— Ясно! — сказал он жене.— Ты изменила мне с кем-то из Мосмебельторга!

должное впечатление, так как он не только отдал соответствующее распоряжение Главторгу, но и велел доложить о выполнении. И вот вам результат: пока МГСПС и исполкомы ломали головы, деля гарнитуры, директор магазина № 53 (для инвалидов Великой Отечественной войны) В. Чижиков уже принял заказ от упомянутой Ч. на гарнитур «Изабелла»...

Но может случиться так: круг лиц со льготами до того расширится, что привилегии окажутся у всех без исключения. Что и было до недавнего времени, когда существовали покупатели, которые ничем не отличались друг от друга. Может быть, к этому и вернуться? Ведь

И он развелся с женой. А шкаф оставил себе в качестве компенсации за моральный урон.

ЧЕГО ЖЕ МЫ ДОБИЛИСЬ?

Улучшили мебельную торговлю? Отнюдь. Закрыли каналы для спекуляции? Как бы не так! Жалоб на нарушение социальной справедливости и невозможности приобрести мебель стало больше. Только в Мосмебельторге их число увеличилось вдвое и угрожающе растет. Да и спекуляция мебелью, как свидетельствует начальник отдела городского управления БХСС А. Савин, не уменьшается. Может быть, удалось поставить «таможенные заслоны» перед иногородними? Хотя этого и быть не должно. Тоже ведь нет.

Только за 3 месяца этого года на железную дорогу для отправки во все концы «Мострансагентством» вывезено около 15 тысяч гарнитуров, наборов. Еще почти столько же — двумя кооперативами по доставке мебели. А в общей сложности в первом квартале уже больше, чем за шесть месяцев 1985 года, когда мебель, как и до́лжно, продавалась любому гражданину.

А интересно, откуда у неформалов-продавцов свои «фонды»? Видимо, несколько источников. Например, такой: иные граждане, входящие в привилегированные обоймы, не выкупают выделенную им мебель. А иные передают свои льготные права гражданам без таковых. Но с деньгами... Взяв наугад первый попавшийся в Мосмебельторге адрес Г., я поспешила к нему, чтобы полюбоваться новенькой стенкой «Слава-29», но была разочарована. Ветеран Г. и не скрывал, что она была ему не нужна. «Я взял ее,— сказал он,— для своей знакомой, которая живет в г. Климовске».

Велики и нравственные потери. У лиц, стоящих около распределения, появляется власть над жаждущими, возможность облагодетельствовать или отказать.

Это, между прочим, понимают в Министерстве торговли СССР, где при распределении фондов мебели по союзным республикам не стали придерживаться принципа «приоритета» и «преимуществ». В Минторге поступили иначе: мебельные фонды даются в республики по объективным показателям — пропорционально количеству проживающих семей (всего 87 миллионов семей).

— Я считаю,— сказал начальник отдела Минторга Е. Парамонов,— что в условиях дефицита любая система имеет изъяны. Но система предварительной записи в магазинах все же более справедлива. Мебель в этом случае получает тот, кому она нужна. И такую, какая нужна. Система распределения нарушает законы торговли, социальной справедливости и конституционные права граждан.

Замначальника Мосмебельторга А. Синдеев добавил к этому, что «сейчас мы сдерживаем торговлю и не имеем в обороте еженедельно 8—9 миллионов рублей, так как ждем покупателя с «приглашением» 7—8 дней после поступления мебели».

Не берут за образец столичную систему распределения мебели и в других городах и весях. Например, в Ульяновске, Владимире, Ярославле, Свердловске мебелью торгуют по старинке, то есть в порядке общей очереди.

— Мы не сторонники распределения мебели по предприятиям,— сказал заместитель председателя Свердловского горисполкома Л. Погребников,— так как это приводит к неравенству людей.

Да, это так. Одностороннее решение проблемы создает ворох новых. Введение всевозможных лимитов, приглашений, карточек — это лишь «вымывание» лишних людей из очереди. Строить карточные домики, разумеется, можно, но жить в них — нельзя.

...А учителя Пузикова, конечно, жаль. Не вписался он ни в одну льготную группу со своей второсортной анкетой. И не впишется, бедолага, до тех самых пор, пока за мебелью будут ходить не прямо в магазин, а сначала за льготами и разнарядками в исполкомы и профкомитеты.

Юрий ЧЕРНИЧЕНКО: «ДАЙТЕ НАРОДУ НАКОРМИТЬ СЕБЯ!»

— Юрий Дмитриевич, полтора года назад в одной из статей вы с тревогой писали о взлете гласности: «Есть подлое ощущение (предчувствие? опасение?), что не все коту масленица: скоро все это прихлопнут». Теперь, когда прошло время, вы стали народным депутатом (Крокодил от души вас поздравляет!), жива ли та тревога?

— Чувства подчас взаимоисключающие. Иногда кажется — коту приходит великий пост. Очень встревожило меня то, что произошло недавно в Тбилиси... Насторожила и статья одиннадцатая в Указе Президиума Верховного Совета от 8 апреля — о дискредитации. Что это такое — дискредитация? М. С. Горбачев, выступая в 1987 году в Ленинграде и Мурманске, настолько «дискредитировал» состояние дел в государстве, что это стало настоящим шоком!

Дискредитация может быть совершенно заслуженной — я вот, к примеру, уже 33 года дискредитирую принудительную систему земледелия, которая обрекает людей на «карточное» существование.

А что касается предчувствий оптимистических — то они вызваны, конечно, первыми за 70 лет настоящими выборами. «Моя» избирательная кампания открыла мне многое. Начало было — не сказать, чтобы гладкое. Сперва меня «провалили» на выдвижении в Союзе журналистов — за то, что вовремя не уплатил членские взносы. В Союзе писателей решил отдать свой голос Сильве Капутикян. На выдвижении в Загорске, по второму национально-территориальному округу, местные власти повели дело так, что я даже поблагодарил их вслух за «возвращение в молодость» — ведь так же проходили, например, собрания партактива в Благовещенском районе Алтайского края в 55-м году... Собравшиеся в Загорске люди были настолько одинаковы, что я завопил с трибуны: «Ну кто ж так подбирает публику? Возьмите самого захудалого режиссера с ЦТ, он вам и то сделает разнообразие — один будет толстый, другой брюнет, тот лысый, тот красивый, будет хоть полифония типажей, а у вас тут однотипный партхозактив — все одного выпуска, в одинаковых костюмах, одного, кажется, цвета глаз, равно внимательно следящие за каждым моим жестом... Кто ж так ставит спектакли? Внимательнее надо политмассовую работу проводить!» Ну, конечно, скрип зубовный, негодование, нас со строителем Николаем Травкиным оттуда с яростью выгнали, оставив, как, подозреваю, и намеревались, единственного кандидата.

А вот в Гагаринском округе, где я и прошел, на окружном собрании оставили для голосования все двенадцать выдвинутых кандидатур, предоставив трети миллиона избирателей столицы возможность честного, справедливого выбора.

Выборы были настоящими. Под конец избирательной кампании я узнал о себе много нового — оказался и наймитом радиостанции «Свобода», и антисемитом, и выучеником Брежнева, и агентом ЦРУ. Кто-то говорил, что я слишком послушный, оттого что коммунист, другой — что я плохой коммунист, потому что меня хвалила какая-то зарубежная радиостанция... Видел и листовочную войну — ребятишки со студентами, поклонники того или иного кандидата, по вечерам оклеивали стены домов сотнями листовок, а к утру их оставалось лишь пять — семь процентов. Я никогда не видел таких митингов — у нас в Лужниках собиралось до 30 тысяч,— и выяснилось, что почти неведомо нам такое искусство — взять микрофон и сказать людям то, что думаешь, всего за три минуты, потому что четвертая — это уже перехлест, тебя никто уже слушать не будет. И странное дело — записные пропагандисты и агитаторы, защищающие городской партактив, профессионалы-витии не могли вовсе ничего сказать на таких скоропалительно сочиненных трибунах. Нечего сказать? Не обучены, ораторских данных дефицит?

Люди сказали «нет» командной системе, системе безответственных марионеток — когда тот, кто дергает за ниточки, не виден, а деревяшка бесчувственна и тупа. Дело за будущим. Если вдруг станут парламент, как и прежде, собирать на короткие сроки, выдавать суточные, подарки-талоны на приобретение телевизоров и дубленок, то это станет абсолютным обманом людей, которые блистательно, как начинающие граждане, проявили себя 26 марта и 9 апреля.

— Юрий Дмитриевич, вы уже три десятка лет боретесь своей публицистикой за нормальное сельское хозяйство; и успех на выборах вам, думается, обеспечил ваш главный пункт в предвыборной платформе — «накормить народ»...

— Недостаток еды в стране вселяет в общество напряжение и досаду. Нельзя больше объяснять, отчего нет харчей. Надо дать, наконец, народу возможность накормить себя. Продразверсточная система еще никого не кормила досыта. Перейти от продразверстки к продналогу — это сейчас самая актуальная и революционная формула. Те благие заделы, которые есть в решениях мартовского Пленума ЦК, должны развиваться. Увы, госзаказ себя полностью дискредитировал, он не срабатывает; в арендаторе все еще хотят видеть оброчного мужика, ведущего кабальное хозяйство: «Ты заработал 25 тысяч за год? Двадцать отдай начальству, а на пять — веселись, мужчина!» Кратковременная аренда ведет только к рвачеству и восстанавливает народ против арендатора. Другое дело — если земля будет служить и мне, и сыну достанется, и внуку, если будет уверенность, что посаженный мною сад, обустроенный, скажем, дренаж — дело прочное и вечное; только такая убежденность и заставит человека быть хозяином. А то как сейчас? «Давай-ка составим кооперативчик, хватанем по «двадцатьчетверке» и разбежимся!»... Распространяется взгляд на арендатора, как на еще не сосланного кулака, а на кооператора — как на еще не посаженного нэпмана: пускай побегают, пока у нас руки не дошли. Нет уверенности в будущем. Я отлично понимаю, что между кооператором с Рижского рынка и ленинским *строем цивилизованных кооператоров* — огромная дистанция. Да, конечно, и штаны «вареные» нужны. Но деятельность кооператива вполне может распространяться и на такое предприятие, как у профессора Федорова! Огромный Центр микрохирургии глаза фактически принадлежит — кооперативно! — и уборщице, и врачу, и самому Святославу Николаевичу. Я уверен, что кооперативно можно владеть и Аэрофлотом.

Сейчас уже уровень гласности и демократизации советская семья отмеряет по тому, что у нее в холодильнике! Ведь если там все тот же недостаток той же ужасной колбасы — начинаешь досадовать на всех этих обличителей, писателей типа Шмелева, Селюнина, Черниченко... Что толку от их упражнений словесных, если «уж полночь близится, а Германна все нет»? Поэтому идея — дайте народу накормить себя — это большая политика, это главный способ стабилизировать общество. Не надо никого учить не его делу!

Вот пример. Молдавия. Страшенский завод «Холодмаш» — самый главный в стране по выпуску морозильных установок. От продукции этого завода зависит, сгниют или уцелеют наши помидоры, яблоки, сливы — все то, что мы завозим из Европы. Однако этот завод по приказу свыше обязан разводить для себя свинину. Они построили себе какую-то свинофермочку и вкалывают на ней. А когда сравниваешь те миллионы тонн добра, которые гниют без «холода», с теми несчастными свинками, сверху спущенными, то задумываешься — да кто же здесь сумасшедший: те, которые разводят свинок по принуждению, или те, которые крупнейший завод страны заставляют заниматься черт знает чем для выполнения черт знает какой инициативы?!.

Ликвидирован Госагропром? Признаться, такие вещи всерьез меня не интересуют. Я столько лет наблюдал эти перемены мест в «крыловском квартете»! Пока еще остается главное — диктат и принудительная система земледелия; а кем этот диктат будет осуществляться — Агропромом или Закупочной комиссией — какая разница? Надо развивать чувство собственности, уверенность, что собственность эту не отнимут. Мы создали человека, который чужд накоплению, который бескорыстен; но вместе с тем он настолько легко управляем, что сегодня готов побежать за туманом и запахом тайги, завтра построит вам экономически неэффективный БАМ, послезавтра распашет целину до полной эрозии почв. Этот человек опасен, ибо он не говорит «нет» там, где это сказать необходимо.

— Продовольственная проблема — дело сверхсерьезное, но, наверное, и в вашем жизненном и профессиональном опыте было что-то смешное?

— Извольте. Осенний разговор во глубине американских прерий с молодым человеком, потомственным фермером Стэном Хайером. Он говорит: «Мы должны дружить...» Он играет в политика, улыбается, протягивает руку: «Мы хорошие продавцы зерна, а вы хорошие покупатели». «Господи, Стэн, ты разве не знаешь, что Россия раньше была не покупателем, а наипервейшим экспортером зерна на весь божий свет, прежде чем Америка перехватила это дело?» И, забыв про наш позорный хлебоимпорт, я стал там же, на свиноферме, толковать, сколько у нас черноземов, мощь тракторов... Он живо среагировал: «Кен ай хелп ю? Могу я вам помочь? Я мог бы приехать к вам за счет Движения молодых фермеров, я готов безвозмездно показать вам технологию, научить чему-то!..» И вот этото и смешно мне — представить, как Стэн Хайер приезжает в обычный костромской колхоз. Утром он садится на трактор и пашет. Или убирает хлеб... И что же он видит вечером того же дня? Хлеб увезли неведомо куда по предписанной кем-то цене, приказали вместо коров держать романовских овец, сдавать молока при этом не 1000, а 2000 литров... вот будет смех для этого парнишки, хорошо, кстати, настроенного к нам, крепко, с 12 лет вкалывающего, знающего цену своему труду, труду отца, знающего, что он унаследует отцовскую ферму, землю. Вот будет смех Стэну над нашей приказной системой — горький, может быть, но раскатистый — американцы смеяться умеют!

В крокодильскую гостиную писателя заманил Рэм ПЕТРОВ.

НА ПУТИ К ИЗВЕСТНОСТИ

Гонорар Ю. Черниченко за статью о пшенице. Алтайский совхоз «Степной». 1955 г.

«Удовлетворить спрос населения... на молоко и молочные продукты, овощи — в 1991—1992 годах... мясо и мясные продукты — в 1994—1995 годах, фрукты и ягоды — в 1995 году».

Из постановления Совета Министров СССР от 5 апреля 1989 г.

ГОРОД БУДУЩЕГО

В. ПОЛУХИН, Л. ФЛОРЕНТЬЕВ (тема).

С. БУРНЕЦКИС, г. Шауляй. На конкурс «ГЛАЗАМИ ГЛАСНОСТИ».

М. АБРАМОВ.

«МНЕ РАСХОТЕЛОСЬ ДАРИТЬ КОМУ-НИБУДЬ СЕВЕР»

Заслуженный артист РСФСР Кола Бельды о проблемах малых народов Севера

Мы шли по кишащим людьми длинным коридорам редакционного корпуса, и большинство из тех, кто попадался нам навстречу, взглянув на моего спутника, неуверенно кивали головой в знак приветствия. Знаете, существует такой «эффект обманного знакомства», когда случайно встреченный человек кажется вдруг старым полузабытым знакомым, и вы здороваетесь с ним, мучительно припоминая: кто же это такой? (Потом меня спрашивали: «А кто это был с тобой? Очень знакомое лицо».— «Певец Кола Бельды»,— отвечал я.— «А-а-а... Тот самый, который «а олени лучше!»)

Описанному прохождению по редакционным коридорам предшествовал телефонный звонок. Незнакомый, чуть заикающийся голос сказал: «Говорит Кола Бельды. Я только что вернулся с гастролей из Ханты-Мансийского автономного округа. Там люди читают вашу статью «Если тундра на всех одна...» и плачут. Хотелось бы встретиться и поговорить».

После таких сообщений от встреч не отказываются. Согласитесь, что все-таки чаще, читая «Крокодил», люди смеются. Что же это я такое написал в своем фельетоне, посвященном всевластию министерств над истерзанной тундрой, что так разбередило душу не склонных к излишней сентиментальности суровых северян? Вот, пожалуй, первое, о чем спросил я певца при встрече.

— Вы написали то,— ответил Кола,— о чем люди малых народов Севера постоянно и мучительно думают все последние годы. О том, что «родная тундра, милая холодная родина, уходит у олених людей из-под ног». А этого, поверьте, вполне достаточно, чтобы заплакать.

Малых народов Севера в Советском Союзе насчитывается двадцать шесть, а общая их численность около 150 тысяч человек. Есть среди них совсем крохотные, о существовании которых вряд ли догадывается большинство ваших читателей. Скажем, юкагиров всего 800 человек, а тофаларов — 700. 30 тысяч ненцев или 14 тысяч чукчей считаются среди них уже народами крупными. Но это **народы,** понимаете? И других таких нет на планете и, главное, больше никогда не будет! Белых медведей, занесенных в Красную книгу, и тех, говорят, двадцать тысяч. Понимаете вы меня?

— Понимаю,— тихо ответил я.

— Вы-то понимаете... А вот мне недавно рассказывали про то, как обсуждался проект очередной гигантской ГЭС. Докладывают большому начальнику: «Все, мол, хорошо, да вот только в зону затопления попадает район, где тысячи лет живет один семитысячный северный народ. Что делать будем?» Он про тысячи лет то ли не расслышал, то ли расслышать не захотел и говорит: «Всего семь тысяч человек? Переселим куда-нибудь, а расходы на строительство спишем». Считайте, что он весь этот народ списал. Потому что никуда их переселять нельзя. Вымрут они там, куда их переселят.

— Ну зачем же так мрачно, Кола? — пробовал возразить я.— Ведь переселяли другие народы. И ничего, живут.

— Знаете, смотрел я как-то по телевидению репортаж из оленеводческого колхоза. Молоденькая журналисточка беседовала с пастухом. И все-то она восторгалась оленями. Какие они неприхотливые. И спят-то на снегу, и корм-то себе из-под снега сами выковыривают. Она восхищается, а пастух возьми и брякни: «Ага, сильно неприхотливые. Только вот, кроме ягеля, ничего жрать не хотят. Сдохнут, а ничего другого есть не будут». Природа создала такими же «неприхотливыми» и олених хозяев. Вряд ли кто из цивилизованных народов смог бы выжить в тех условиях, которые были предопределены судьбой аборигенам Севера, но и аборигены ни в каких других не выживут.

— Простите за нескромный вопрос, Кола, но ведь лично вы уже более четверти века живете в Москве?

— К сожалению, мой пример непоказателен. Я был совсем крохотным ребенком, когда мой двадцатилетний отец погиб на охоте, совсем ненамного пережила его мать. Меня отправили в русский интернат. В конце войны я сбежал оттуда на фронт. Был юнгой, а когда подошел срок действительной службы, стал солистом ансамбля Тихоокеанского флота. Потом работал и учился в Саратове, после этого — Москва. Так что почти вся моя жизнь прошла среди русских. Но, несмотря на это, я, например, как и мои предки, не ем фрукты и не пью молока. Не могу. А вот строганину из сырой рыбы или мяса ем с наслаждением. Наверное, у человека существует какая-то биологическая память, генетический код, не знаю, как это называется по-научному.

— А откуда вы родом?

— Я на́най. Нас называют нанайцами, но это неправильно. Правильно — именно на́най, с ударением на первом слоге. Нас осталось примерно тысяч десять. Нанаи — охотники и рыбаки. Жили на Амуре, молились Амуру и кормились Амуром.

Вот я начал говорить о сыроедении, характерном для всех малых народов Севера. Это ведь огромная проблема для нас. В отрыве от исторически сложившихся условий существования и генетически закрепленного питания северным аборигенам не жить. Все витамины, которые другие народы получают из огромного набора овощей, фруктов, злаков, мы берем из сырой рыбы и мяса. Так устроено природой, а против нее не попрешь. Даже и пытаться не стоит. А тут нашлись мудрецы, запретившие местным жителям ловить в Амуре рыбу частиковых пород для личных нужд. А личные нужды — это чтоб ты и твои дети могли есть. Надо же додуматься — в нашей реке, нашу рыбу... Как благодеяние разрешают раз в год закупать по 50 кг лосося на человека. Конечно, никто этот дурацкий закон-запрет не соблюдает, но зачем нужен закон, превращающий честного человека в вора, зачем закон, опасный для человеческой жизни?

Впрочем, ловить рыбу становится для моих земляков почти так же опасно, как и не ловить. В воды Амура-батюшки сбрасываются десятки тонн отходов меди, цинка и даже десятки килограммов мышьяка. Это на Амуре. А в Ямало-Ненецком автономном округе уже 28 рек потеряли свое рыбохозяйственное значение. Катастрофически сокращается поголовье оленей. И не только из-за нехватки ягельных пастбищ. Оленям нечего есть и нечем дышать. Ученые говорят, что одна буровая за год выбрасывает в атмосферу до двух тонн углеводородов и сажи, 30 тонн окислов азота, восемь тонн окислов углерода и еще много всякого прочего. А ведь таких буровых сотни.

Малые северные народы на грани исчезновения, и никто не хочет сказать об этом вслух. Мы ничего не просим. Ни земли, ни хлеба, ни флага. Северный человек не умеет просить. Он сызмальства знает, что просить стыдно. Мы готовы безропотно отдать нефть и газ, которые, на нашу беду, оказались в недрах именно нашей земли. Но мы хотим жить, как это предопределено нам суровой, мудрой и хрупкой природой. Нас ведь так мало. И так легко сделать, чтобы нас не стало совсем.

— Кто-то из поэтов удивительно точно заметил на этот счет:

Экономика осатанела.
В северном поселке у реки
Южную рыбешку сардинеллу
Покупают ханты-рыбаки.

— Да, ни «южная рыбешка сардинелла», ни болгарские компоты, ни кубинские грейпфруты северные народы не спасут. «Экономика осатанела...»? Но разве она уже вышла из-под контроля людей? Разве наши мудрые и ученые «старшие братья», сидящие в госпланах и министерствах, не ведают, что творят?

Знаете, мне иногда становится стыдно тех песен, которые я когда-то пел. Я, наверное, уже никогда не смогу спеть прекрасную песню моего друга поэта М. Пляцковского «Увезу тебя я в тундру...». Мне не хочется больше никого увозить в истерзанную гусеницами вездеходов тундру. Я понял, что на самом деле Север вовсе не бескрайний, к сожалению, и у него есть край, и мне почему-то расхотелось дарить кому-нибудь свой Север.

— Не поэтому ли мы так редко видим певца Кола Бельды на экранах телевизоров? Сейчас, пожалуй, чаще увидишь пародистов, «поющих» вашим голосом, чем вас самого. А помните, было время, когда полстраны распевало ваше знаменитое: «паровоз — хорошо, самолет — хорошо, а олени — лучше!»

— Отчасти и поэтому. Хотя, вообще говоря, моя творческая жизнь складывалась весьма счастливо. В самом начале шестидесятых годов я оказался в Москве. Пел тогда в основном партии классического репертуара. Получалось это у меня ни шатко ни валко, но, как говорили, не хуже, чем у других. Продолжалось так до одного случая, круто изменившего мою жизнь.

Как-то после очередного сборного концерта в ВТО ко мне подошел маленький худенький человек в потертом пиджачке. Он насмешливо глянул на меня, ласково улыбнулся и сказал: «Слушай, парень, в тебе что-то есть, но мне кажется, что ты занимаешься не тем, чем нужно. Давай-ка пойдем в ресторан поужинаем, а я позвоню одному приятелю, чтобы он подъехал и объяснил тебе, как жить дальше». Человек в потертом пиджачке был поэт Михаил Светлов. Подъехавший приятель — композитор Модест Табачников. После ужина мы подошли к роялю, и Табачников напел мне этих самых «Оленей». Песенка была написана для какого-то театрального спектакля и раньше не исполнялась. Поначалу я решил, что надо мной смеются. Как это? Я пою высокую классику, а мне предлагают какую-то галиматью про паровозы и оленей? Но они убеждали так горячо, что я в конце концов песенку разучил. Тут как раз подоспел новогодний вечер в Лужниках, транслировавшийся по телевидению. Мне положено было петь две песни. Первая была из привычного репертуара, а вторая «Олени». Спел «Оленей», и тут возник такой «обвал» аплодисментов, что мне пришлось несколько раз «бисировать». Эфир тогда был только прямой, эти «бисирования» увидела вся страна, и на следующее утро я проснулся знаменитым.

Потом было много всяких песен, все больше, конечно, с «оленьим» уклоном. Объездил вдоль и поперек весь Союз, гастролировал чуть не в сорока странах мира. Стал заслуженным артистом РСФСР, лауреатом фестиваля в Сопоте. Продолжалась эта круговерть до самого начала восьмидесятых годов. И тут... То ли внутри меня самого что-то случилось, то ли общее положение в стране стало доходить до края, но у меня как будто какая-то пелена упала с глаз. Приезжаю к родне на Амур, приезжаю на гастроли в тундру — везде одно и то же. Тех самых народных песен, слышанных мною в детстве, под обаянием которых прожил всю жизнь, не поют. Больше того — молодежь-то уж кое-где и родной язык забывать стала. А тут еще эта «осатаневшая экономика», численность северян сокращается. Ну, думаю, все. Вымрут старики — и конец. От всей культуры народов Севера одни анекдоты «про чукчу» останутся. А я ж единственный среди коренных северян профессиональный певец. Это же мое святое дело. И бросился я фольклор собирать и записывать. В общем, как поется в одной из народных песен: «Снова пойду в лес мой густой. Счастья найду след золотой».

Исколесил весь Север, у всех народов побывал. Помню, за одним стариком-селькупом (есть и такой народ, состоящий из 3,5 тысячи человек) чуть ли не год гонялся, пока смог записать его песню. Зато, когда исполнил ее на концерте в крохотном северном поселке, люди сказали: «Неужели через эту песню все люди на земле узнают, что мы, селькупы, живем на свете?»

— А ведь действительно, для большинства представителей других народов не только искусство, но даже и сами названия многих северных народов нечто экзотическое и неизвестное.

— Наверное, это самое главное сейчас — знать и понимать друг друга. Я думаю, что все наши межнациональные проблемы и стали-то проблемами из-за взаимного незнания. Бывает, поговоришь с вполне вроде бы цивилизованным человеком и убеждаешься, что все его представления о жизни другого народа состоят из такого чудовищного клубка выдумок, домыслов и предрассудков, что просто диву даешься, а порой и страшно становится.

Да, люди малых народов Севера доверчивы и наивны. Кое-кому даже кажется, что это доверчивость и наивность, доходящие до глупости. Можно, конечно, посмеиваться над анекдотическим «чукчей», но уверен, узнай эти насмешники хоть что-нибудь о нравах и обычаях наших северных народов, то они обнаружили бы многое, чему следует поучиться. Северные народы никогда не воевали. Ни между собой, ни с кем бы то ни было еще. Северный абориген, мужественный и умелый охотник, никогда не сможет убить, да что там убить, ударить человека. Не сможет! Исторически так сложилось, уж больно высока цена человеческой жизни в экстремальных условиях Крайнего Севера. Он никогда не возьмет у природы ничего лишнего. Экологическая культура, о необходимости которой весь мир еще только начинает догадываться, заложена у северян буквально на генетическом уровне. Так хрупка гармония между человеком и окружающей его суровой средой, столькими тысячелетиями она создавалась, что даже помыслить было страшно о возможности ее разрушения. Но вот приходят люди, даже не подозревающие о существовании этой гармонии, и начинают вытаптывать, отравлять, губить... Неужели до сих пор кому-то все еще не ясно: уничтожаешь природу — губишь людей?

— Государственная экологическая инспекция Ямало-Ненецкого автономного округа сообщает, что за 20 лет «покорения» нефтяных и газовых месторождений произошло резкое снижение средней продолжительности жизни местного населения. Жизнь коренного северянина оказалась почти на четверть века короче, чем у среднего жителя страны.

— Я не знал этой жуткой статистики. Но поверьте, что все выглядит достаточно страшно и без кошмарной цифири. Гибнет народ, исчезает, причем невосполнимо, часть мировой культуры.

— Как я понял, цель вашей работы с фольклором — познакомить мир с древней музыкально-поэтической культурой малых народов Севера. Насколько успешно вы продвигаетесь к этой цели?

— За последние восемь лет фирма «Мелодия» выпустила три диска-гиганта с народными северными песнями. В общей сложности мы сумели показать миру таким образом 30 песен. Саамские, чукотские, нанайские, совершенно уникальное горловое пение юкагиров, песни нивхов, эвенков. Самой удачной мне кажется пластинка, выпущенная в этом году. Огромную работу проделали композитор Александр Лавров, поэты Юлия Горжалцан и Леонид Кушнаренко, чтобы сохранить и донести до слушателей истинный колорит Севера.

Вообще интерес к северному фольклору в мире на редкость высок. С огромным успехом прошли наши выступления во Франции, сейчас нас пригласили в Японию. А вот Главную музыкальную редакцию ЦТ я уже три года не могу убедить в том, что песни малых народов Севера имеют такое же право на телеэкран, как и искусство других народов Советского Союза. Неужели наш многонациональный телезритель менее любознателен, чем француз или японец?

— Ну, а с эстрадной песней, сделавшей вас знаменитым, что же, покончено навсегда?

— Нет, что вы... Просто я стал более требовательным, что ли, к предлагаемым мне песням. На фоне по-настоящему народной песни, с которой постоянно работаю, особенно остро чувствуется фальшь и подделка. Впрочем, несколько месяцев назад записал две, по-моему, неплохие эстрадные песни. Одна из них, «Настя», завещанная мне покойным композитором Дм. Покрассом, особенно дорога для меня. Надеюсь, что зрители смогут услышать и увидеть эти песни. Но ведь я пришел к вам в редакцию не для того, чтобы говорить о своих эстрадных успехах.

— Да, конечно, но ведь прежде всего вы певец?

— Прежде всего я один из 150 тысяч коренных обитателей Крайнего Севера, которые стоят сегодня на грани национальной катастрофы. Мы имеем собственную землю, собственную культуру и, если хотите, собственную национальную гордость. И пришло время сказать об этом всем остальным народам мира.

Знаете, недавно я шел по московской улице. Накануне по телевидению передавалась в моем исполнении песня про чукчу, ждущего в чуме рассвета. Ко мне подошел маленький мальчик, серьезно глянул на меня и, протянув руку, сказал: «Здравствуй, чукча!» Я пожал его крошечную ручонку и так же серьезно ответил: «Здравствуй, русский!» И мы разошлись бы по своим делам вполне довольные друг другом, если бы не подскочила карапузова мамаша и не стала его ругать: «Зачем ты обидел дядю?» Да невозможно обидеть человека, назвав его чукчей, китайцем, русским или евреем! Нельзя! И как прекрасно, что это чувствует ребенок, и как страшно, что этого не понимает его взрослая мамаша. Я не собираюсь превращать курьезную уличную сценку в некий символ. Но я очень люблю этого маленького гражданина, протянувшего мне свою маленькую честную ладонь.

С гостем беседовал
Юрий БЕЛЯВСКИЙ.

Леонид ЗАВАЛЬНЮК

НЕВЕРНЫЕ ВЫВОДЫ

Что такое, хочу делать верные выводы, а делаю неверные.
Стараюсь мыслить широко, а получается узко.
Вижу: при том, что очереди за выпивкой выросли непомерно,
Почему-то никак не уменьшаются очереди за закуской.
Вывод: что-то органы информации от нас таят.
Может, уже всеобщая автоматизация,
а может, удвоилось количество населения.
Потому что, пока эти несметные толпы стоят,
Кто-то же за них работает! Неужели аппарат управления?
Конечно, у каждого явления свои плюсы и минусы.
Теперь как? Заработал — получи сполна.
И это не просто новое время, новая эпоха.
Но если стоишь на бухгалтерской паперти,
выпрашивая заработанное, как милостыню,
То не проще ли присмотреть, что плохо лежит?
Тем более что по традиции у нас все лежит плохо.
Заглянешь в далекое когда-то: пропажа курицы или топора —
И сразу чуть не вселенский розыск: «Держи! Украли!»
А теперь спокойно. Сиди себе в лоточном ряду:
— А вот кому трактора!..
Только будь вежлив: — Ах, вам краны? Извините, водопроводные кончились.
Но могу предложить подъемные. Какая разница, все равно — краны.
Все можно украсть. Как это получилось?
Очевидно, когда-то хотели сэкономить и так придумали:
человек на работу идет,
И там ему такая зарплата полагается,
Что если он, не будь дурак, еще хотя бы столько же доукрадет,
То получится вполне ничего.
Тем более что украденное налогами не облагается.
Неправильные выводы делаю. Ох, неправильные!
Вижу необходимое, а хочется объявить его необязательным.
И тянет на какие-то эксперименты рискованные.
И, я бы даже сказал, скользкие.
Вот, например, если упразднить одно из бесчисленных министерств,
ну хотя бы Союз писателей,
То, конечно, уровень литературы упадет.
Но хотелось бы посмотреть, когда, почему и на сколько.
А то еще хочется клич бросить:
мол, никто не принесет нам желаемое на блюде,
Так давайте поднатужимся все как один,
попробуем жить, как люди, по уму, по таланту, по совести!
Но клич еще не брошен, а ответ уже слышу:
— Вам нравится, вот вы и живите, как люди.
А мы и раньше жили лучше, чем люди, а теперь как-нибудь приспособимся.
У вас, мол, крепкие нравственные устои, а у нас крепкие нервы.
Массы ждут всеобщего великого обновления? А пускай себе ждут!
Черт его знает, может, сейчас действительно не 89-й год,
а именно сорок первый.
Ведь люди, которые привыкли жить лучше, чем люди,
сами по себе свои железные позиции не сдадут.
Неправильные выводы делаю, ох, неправильные!
Не мудро думаю, ох, не мудро!
Вот ведь вижу: занимается день новой жизни, любви, правды.
А мне все хочется у кого-то спросить:
— Господи, почему же так долго и так мучительно тянется утро?!

ПОПЫТКА НАПИСАТЬ СТИХИ ВДВОЕМ С ЖЕНОЙ

Облетели овощи в саду!..
Я тебя люблю за то, что ты зануда.
Овощи не облетают, нет?
Но пойми ты, важен запредельный свет.
«Облетели овощи!..».
В строке есть привкус чуда.
«Облетели овощи в саду!».
Эта фраза снится мне ночами.
Есть в ней странность опрокинутой печали,
Выход в радость жизни сквозь беду.
Пусть концы не сходятся, сведу!
Слышишь, даже и гражданское начало
Вдруг от повторений зазвучало:
Облетели овощи в саду!
Облетели!.. Злобной вьюги свист.
Овощи!.. Представь себе редиску,
Одинокую, как в тыл забросили радистку.
Клок волос весь в инее и свис...
Вот она сигналит: «Лето, лето! Я — весна!»
Вот ей отвечает тихий свист морзянки.
А потом пальба и гром. И входят наши танки
В сад, где ты замерзла и одна.
И какой-то маршал молодой
(Молодой и маршал, не иначе)
Самою высокою звездой
Увенчал твой ватник.
Ты герой, но плачешь.
Тут, откуда ни возьмись, являюсь я. И ты утешена вполне.
Вот так встреча! Синий спирт по кружкам...
— Ты уходишь! Почему?
— Прости меня, так нужно!..
И опять разлука. На войне, как на войне.
Вот какой сюжет гнездится в трех словах всего!
А быть может, и похлестче, я еще не знаю.
Знаю только — есть в нем линия сквозная,
Тот зовущий импульс осевой,
За которым я легко пойду
И такой стишок добуду, что иным романам равен.
Ну а овощи? Укажут, как исправить.
Будет, скажем: «Облетели яблони в саду!».
...Мы сидим. Перед нами чистый лист.
Над землею снег кружит и в недолете тает.
— Слышишь?
— Что?
— Там, за окном, какой-то странный свист.
— Это овощи, родная, облетают.

Рэм ПЕТРОВ

ВОСПОМИНАНИЕ О ПРИМЕРНОМ УДАРНИКЕ

Почетную грамоту — в каждый дом?

Поводом для воспоминаний служат два обстоятельства.

Первое: в 1988 году издательством «Профиздат» было выпущено более шести миллионов почетных грамот и дипломов.

Второе: в том же году издательством «Плакат» произведено тридцать семь миллионов сто пятьдесят тысяч единиц аналогичного товара (хотя надо отдать должное «Плакату» — он напечатал всего половину исходного общесоюзного заказа).

Цифры будут еще более впечатляющими, если суммировать эту почетную продукцию за три последних года — итог превысит сто двадцать миллионов экземпляров, и это без учета деятельности региональных издательств. На каждого трудоспособного гражданина СССР — примерно по штуке. Любопытствующий может прикинуть, сколько здесь вырубленных деревьев или неизданных книг, а автор имеет полное право объявить, что наш народ — самый ГРАМОТНЫЙ в мире.

О ДОСКАХ КРАСНЫХ И ЧЕРНЫХ

«Работу начинайте и оканчивайте, где возможно, под звуки социалистических гимнов и песен, ибо ваша работа — не рабский труд, а высокое служение социалистическому отечеству!» — призывал Председатель Реввоенсовета республики Л. Д. Троцкий 15 января 1920 года в Приказе-памятке по 1-й Революционной Армии Труда. Военный коммунизм ковал трудовой энтузиазм масс, используя все возможные средства, кроме экономических. «В целях привлечения молодежи к обучению квалифицированному труду необходимо объявить всеобщую мобилизацию подростков, начиная с 15-ти лет», — требовала «Правда» 5 февраля 1920 года. В те времена всеобщей трудовой повинности, когда ЛЮБОГО человека можно было заставить выполнять ЛЮБУЮ работу, универсальным способом поощрения трудовой деятельности было занесение имярека на «красную» и «черную» всероссийские доски. «Правда» публиковала на последней странице постоянную рубрику «На бескровном фронте», где в течение одного лишь марта того же двадцатого года рапортовалось о проведении более чем шестисот субботников и воскресников, а несшие уголовную ответственность прогульщики противопоставлялись тем, кто получал, например, благодарность НКПС за ударный труд. «Надо энтузиазм героев материально подкрепить...» — это слова Г. Пятакова. И чем же подкреплять? Продолжим цитату: «... подкрепить принуждением шкурников»!

Это по поводу, так сказать, «материального» стимулирования.

ЛИЦА С ПОДВЕСКАМИ И РЕМИЗНЫЕ ГЛАЗКИ

Однако ни «принуждение шкурников», ни благодарности НКПС, ни «красные доски» не смогли вывести страну из кризиса. X съезд РКП(б) принес идею нэпа.

Автор не претендует на глобальную историчность и лишь напоминает о том, что небольшие штрихи часто позволяют выразить атмосферу эпохи. Так вот, на последних страницах «Правды» рубрику «На бескровном фронте» заменили рекламные объявления народившихся предприятий и промышленных товариществ, и вместо «красных досок» стала публиковаться такого рода информация:

«АВТОНОМНАЯ ГОСУДАРСТВЕННАЯ БЕРДО-РЕМИЗНАЯ ФАБРИКА ИМЕНИ ТОВ. БУХАРИНА (МОСКВА, БУХАРИНСКАЯ УЛ., Д. 11)

Изготовляет и продает: Берда, Ремизы, Зуб бердочный,.. Слачки бердочные, Лица с подвесками, Ремизные глазки,.. Фланель шлихтовальную и Парусину. Качество товаров мирного времени... Цены понижены и вне конкуренции».

Это 1922 год. Рекламировали, конечно, не только «Лица с подвесками»... Труд становился экономически целесообразным и потому свободным, не нуждающимся в повсеместном восхвалении ударников. «Красные доски» публиковались все реже, надежды на процветание крепли, и мрачным злопыхательством выглядели, например, слова жившего в эмиграции Куприна:

«...А пресловутый НЭП! В мои советские времена (конец 19-го года) большевики разрешили в Петербурге рыночную торговлю, а когда торговля разгорелась во всю, то рынок оцепили солдаты с чекою во главе... Не судьба ли это в будущем НЭПа?»

Увы, пророчество сбылось, хотя и иронизировала тогда, в 1922 году, «Правда» по поводу наивной увлеченности литератора историческими аналогиями...

«ПРИМЕРНЫЙ УДАРНИК»

Конец 20-х — время возрождения образа Ударника: время забвения экономических методов стимулирования труда, обесценивания денег и введения карточной системы. И не случайно именно в конце 20-х появились и стали безбрежно шириться, например, всесоюзные конкурсы за переходящие знамена. Знамен предлагалось много — имени Коминтерна, Знамя Братских компартий, Знамя ОГПУ, Знамя Особой Дальневосточной Красной Армии. К концу сороковых годов количество всесоюзных знамен перевалило за две тысячи. Случайно ли, что именно в тридцатые годы учреждались все новые и новые трудовые награды, вплоть до 1938 года, когда медаль номер один Героя Социалистического Труда была вручена И. В. Сталину? Именно тогда формировался образ снисходительно-одобряющего Государства: «Как во сне, ходили мы по красивым залам Кремля. Люди, встречающиеся с нами, тепло поздравляли нас. Орден получила я из рук М. И. Калинина. Такой простой и понятный, стоял он перед нами, тепло поздравлял нас и желал новых трудовых побед... От имени бригады я обещала, что мы будем работать еще лучше и дадим стране столько моторов, сколько будет нужно». Прямо-таки мистическая сцена — сон, красивые залы, неизвестные, но «тепло поздравляющие» люди! Это воспоминание ударницы 1934 года типично для той эпохи, пытавшейся помпезной раздачей орденов стимулировать костенеющую экономику.

Кстати, у орденов и медалей были предшественники — значки. Их было много. «Лучшему производственнику», «Передовику соцсоревнования», «В память ударной работы», «Лучшему ударнику» и — очень емко и символично! — «Примерному ударнику». С 1929 года значки стали штамповаться в столь неимоверных количествах и разновидностях, что в 1933 году озабоченная этим поводом верховная власть издает Инструкцию, в которой воспрещает «ношение нагрудных значков, не утвержденных Президиумом Центрального исполнительного комитета Союза ССР». Интересно, какие кары угрожали тому, кто легкомысленно или по неведению надевал запрещенные значки? Думается, у него могли отобрать именные книжки ударников, в которых, кроме страничек с обязательствами и итогами работы, были отрывные талоны на получение промтоваров; последнее обстоятельство служило молчаливым признанием бренности всепроникающих моральных стимулов. Введение же уголовной ответственности за опоздание на работу поставило народ перед необходимостью трудиться за страх и за значки.

Тридцатые годы породили множество газет, бюллетеней, листков и многотиражек с характерными названиями, начинающимися словами «ударный» или «ударник». Их выпускалось около тысячи, среди них, к примеру, «Ударник» — орган политотдела и рабочкома свиносовхоза имени Молотова, «Ударник» — орган коллектива ВКП(б) Н-ского склада... или — «За здоровый трактор» — Кунгурской МТС...

Да, тракторам жилось тогда несравненно здоровее, чем людям...

Конец сороковых принес традицию «тематических» всесоюзных награждений орденами и медалями за трудовые победы. С 1947 по 1950 годы вышло 29 указов, в соответствии с которыми предписывались массовые награждения за победы на следующих трудовых фронтах: за высокие урожаи тимофеевки (24.04.1948 г.), табака и махорки (2.06.1948 г.), кок-сагыза (22.06.1948 г.), за выведение новых пород сельхозживотных (20.04.1949 г., как раз после разгрома генетики) и так далее...

МАСТЕРА-УМЕЛЬЦЫ

У большинства читателей 70-е годы еще на памяти — тонно-километры знамен, грамот и орденских лент за трудовые и прочие победы. В апреле 1970, например, состоялось крупнейшее, по-видимому, в истории страны разовое награждение почетными грамотами двух с половиной тысяч предприятий и организаций — «победителей трудовой вахты в честь 100-летия В. И. Ленина». Учреждаются новые звания — тут и «гвардейцы пятилеток», и «мастера-умельцы», и «последователи Паши Ангелиной»...

Исторический парадокс заключался в том, что страна с недопустимо низкой производительностью труда уверенно держала — да, вероятно, и держит по сей день — рекорд по количеству орденов и грамот за эту самую производительность.

Между прочим, помните значки 20—30-х годов? С 60-х их стали делать не из стали, а из алюминия: так оно дешевле.

СЭКОНОМИМ?

Образ «примерного ударника» живет до сих пор, хотя История уже не раз пыталась убедить нас в том, что буен блеск медалей и грамот именно там, где угасают естественные экономические методы поощрения добросовестного труда. Признак свободного труда — не десяток или сотня грамот, а возможность заработать (а не просто «получить») что-то стоящие (а не бесполезные в условиях тотального дефицита) деньги; а многолетняя эксплуатация искреннего энтузиазма не может быть оправдана ни морально, ни экономически. Идея государственного или начальственного поощрения труда оказалась бесплодной; но она живет и сегодня — в ежегодных многомиллионных тиражах почетных грамот, унифицированных бланков благодарственных писем и соцобязательств, в тысячах переходящих знамен, символизирующих, как правило, лишь хорошее отношение администрации с вышестоящими чиновниками или умение подгонять показатели в бессмысленных отчетах.

Настало, пожалуй, время осознать, что истинное моральное стимулирование заложено в принципе «От каждого по способностям — каждому по труду», а точнее — в гибкой и разумной экономической системе, не обремененной «уравниловкой», «потолками» и другими атрибутами ложно понятой идеи социальной справедливости. А «внеэкономическая» оценка трудовых успехов более уместна в рекомендательных письмах или, в наших условиях, в нелиповых характеристиках и перечне благодарностей в трудовой книжке.

Вспомним обычную практику раздачи премий на заводах, в учреждениях — раздачи поголовной, пропорционально зарплате... А если тот же премиальный фонд разделить между немногими, действительно лучшими работниками? Если из тысячи человек всего пятеро будут награждены премией, и премией большой, и об этом будет принародно сказано? Ведь это станет и полновесным моральным стимулом — трудолюбие будет поощрено тем, что его весьма ощутимо отличили от безделья.

Моральное стимулирование состоит прежде всего в справедливости стимулирования материального. Если этого нет, то на сцену выходят суррогаты — легионы орденов и грамот.

А те же грамоты — на мелованной бумаге, с золотыми тиснениями — стоят дорого. «Грамотная» продукция издательства «Плакат» за 1988 год оценивается в 10 миллионов 928 тысяч рублей.

Может быть, сэкономим?

Байрам САЛИМОВ

ВИНА ПОКУПАТЕЛЯ

— Ох, рубахи по плечу не подберешь.
К продавщице обращаемся несмело:
— Полюбуйся, уважаемая,
сплошь
Одного шестидесятого размера...
Возвращаясь из мечтательной дали,
Та — в ответ,
Улыбку фирменную выдав:
— А торговля виновата, что пошли
Нестандартные фигуры у джигитов?!

БОЛЬШЕ ПОЛЬЗЫ

С трибуны
В грудь себя стучит,
А в зале реплика звучит:
— Тебе бы, божьему рабу,
Да постучать себя по лбу...

ВЕЗДЕСУЩАЯ БРАТИЯ

Мне кажется —
В тысячелетье третьем
Мы на спирали звездного витка
По разуму собрата вряд ли встретим,
Собрата по перу —
Наверняка.

ВСЕ ЗАНЯТО

У нас отстающим
Нет места!
С хвоста
Давным уж давно
Разобрали места.

ОПАСНЫЙ ДОВЕСОК

Дом Ахмед приторговал.
Делу сладиться бы скоро.
Вдруг отборной брани шквал
Слышит он из-за забора —
Вопли, крики...
Ссора там
Полыхает, как солома...
— Ну, ударим по рукам? —
Говорит владелец дома.
— Дом неплох. Тысчонок пять
Я бы дал,—
Ответ Ахмеда.—
Но к чему мне покупать
Ядовитого соседа?!

Перевел с лезгинского Борис ГАЙКОВИЧ.

—Свидание закончено!

Н. БЕЛЕВЦЕВ, г. Белгород.

ЗАХВАТИЛ САМОЛЕТ, ТРЕБУЕТ БОЧКУ ПИВА!

В. ЛУГОВКИН.

— Кусается?
— Нет, ест много...

А. СКОТАРЕНКО.

1 июня — День защиты детей

У ТОТОШИ И КОКОШИ

Александр ТЕРЕНТЬЕВ

КАК ПОЛОЖЕНО

— Мама, дай-ка нам с сестренкой
Сто листов бумаги тонкой!
— Витенька, зачем так много?
— Мы,— сынок ответил строго,—
Будем во врачей играть...
Будем целый день писать!

г. Саранск.

Александр ЖУКОВ

О ДИМАМИТЕ

Это знать необходимо!
Раскрывайте и прочтите:
жил на свете мальчик Дима,
жил на свете мальчик Митя.
Были внешне, как две капли,
эти мальчики похожи,
как с одной и той же кальки
отпечатаны, и все же!
Как случилось? Вот задача!
У одной и той же мамы
Митя был послушный мальчик,
Дима мальчик был упрямый.
Хоть в одном учились классе
и одно носили имя,
никогда ни в чем согласья
не бывало между ними.
Одного в читальню тянет,
а другого тянет мимо.
Митя — тот всегда подтянут,
и всегда разболтан Дима.
Так и выросли, а словом,
получили имя — Дмитрий.
Был таким он нервным, словно
сел на ящик с динамитом.
Весь сомненьями набитый,
так легко в душе ранимый,
Митя верх берет иль Дима,
Дмитрий ходит вечно битый.
Нет нигде ему покоя.
До сих пор в душе раздвоен,
он не то и не другое,
не работник и не воин.
Будь ты Нина или Нелли,
будь ты Саша или Шура,
но достигнет в жизни цели
только цельная натура!

•

Сынишка тянет меня в универмаг, в отдел игрушек. Я не поддаюсь, иду в гастроном, покупаю вермишель, маргарин.

По дороге домой Алеша протяжно вздыхает:

— Эх ты, папа! Только зря деньги прокупил!

•

Алеша упал с дивана, и на лбу у него появилась шишка. Сестренке Лене жалко братика, и она, пытаясь как-то помочь ему, сказала:

— Давай я ее молотком забью!

Прислал Виктор РОСТОКИН, Волгоградская область.

Миша спрашивает: «Почему дружинник называется дружинником?» И сам же отвечает: «Потому что дружит с милиционером!»

•

Мише три с половиной года. Собираемся на рыбалку:

— Пап, а ты не забыл жабьи сапоги?

•

— Я уже большой,— говорит Миша,— молоко пью сам, кисель — сам, скоро женюсь.

— Куда тебе жениться,— возражает мама,— ведь ты же кашу не ешь.

— Ничего, жена накормит.

•

Гости разговорились, кто чего ждет от Нового года.

— А ты чего ждешь? — спросили Мишу.

— Лета.

•

По дороге из детсада говорит:

— Папа, а ты знаешь, что этот трамвайчик называется троллейбус?

Прислал Юрий ШИГАЕВ, г. Москва.

В НАШЕМ ЦЕХЕ

Дениску знают все

Если кто-то и не знает самого Виктора Драгунского, то уж с его героем, Дениской Кораблевым, знаком наверняка. Учитывая это, Центральный Дом литераторов пригласил на детский утренник, посвященный юбилею писателя, в первую очередь именно его, любимца малышни всех возрастов. Правда, оказался он совсем большим дядей по имени Денис Викторович Драгунский. Но зато обладателем интересной профессии драматурга. Ко всему прочему под мышкой он принес свой замечательный фильм «По секрету всему свету», где самым что ни на есть доходчивым способом мультипликации были продемонстрированы все удивительные мальчишечьи проделки, о которых ребята до сих пор только в книжках читали.

А еще выступали на утреннике ребята — студийцы художественного центра Дома кинематографистов, Настя Лебедева и Сережа Уманец, и читали самые веселые рассказы Драгунского. Был на встрече и художник Чижиков, который одновременно рассказывал всякие интересные истории и рисовал к ним на большом листе картинки — так легко и просто, что многие ребята даже сразу захотели сделать это сами.

В общем, было интересно — ко всему прочему участники увидели настоящих детских писателей и смогли поинтересоваться, как это они «выдумывают все из головы». Так что почаще бы были такие юбилеи!

И еще одно хочется сказать; вот если бы рассказы о Дениске можно было бы увидеть на любом прилавке любого магазина! Какое бы спасибо сказали ребята не только Виктору Юзефовичу Драгунскому, но и дядям с тетями, командующим выходом книжек! Надеемся, что это задуманное напоследок желание непременно исполнится.

Тотошу и Кокошу сводила на утренник Лина ТЫЧИНСКАЯ.

Владимир Орехов, герой фельетона Л. Никитинского «Псовая охота», проведя в местах лишения свободы около двух лет, досрочно освобожден Верховным судом Таджикской ССР и полностью реабилитирован. Напомним вкратце содержание нашей публикации в № 27 за 1987 год, которая основывалась на вступившем в законную силу приговоре Чкаловского городского народного суда Ленинабадской области.

Владимир Орехов, рабочий по отлову бродячих животных, за 13 лет так преуспел на этом поприще, что сдал государству, по собственному горделивому подсчету, 10 тысяч собачьих шкур. Человек энергичный и изобретательный, он со временем организовал целую собачью промышленность, выделывал шкуры, шил шапки, перетапливал и продавал жир, из филейных частей убиенных им жучек не только жарил аппетитные шашлыки, но и насобачился делать консервы в специальном автоклаве, конструкцию которого, правда, не успел запатентовать.

«Никакой аморальности тут нет, и не надо ее выдумывать, ставя палки в колеса хозяйственного механизма,— писал Орехов в одном из своих заявлений.— Меня награждать надо, а не судить!» Но суд в 1987 году посмотрел иначе и приговорил Орехова за занятие запрещенным промыслом и другие не поощряемые Уголовным кодексом действия к 3,5 года лишения свободы.

ЧЕЛОВЕК — ДРУГ СОБАКИ

Разумеется, об экстравагантной ореховской «охоте» мы бы написали и без всякого суда. Но и приговор показался нам вполне справедливым и законным, так как в «Положении о кустарно-ремесленных промыслах граждан» мы собственными глазами прочли: «Запрещается.... переработка купленных и давальческих пищевых продуктов, в том числе изготовление из них любых пищевкусовых изделий.., обработка и крашение кожевенного, овчинно-шубного, пушно-мехового сырья».

Однако коллегия по уголовным делам Верховного суда Таджикистана своим определением от 4 октября 1988 года вправила нам мозги: «Продукты, изготавливаемые из убитых собак, ни к купленным, ни к давальческим не относятся. Орехов этих продуктов не покупал, и никто их ему не давал...» Что ж, верно, выбежавших за калитку собачек он отстреливал и увозил на свою «фабрику» без согласия хозяев.

Далее: «Ответственность за выделку меховых изделий наступает лишь в случае совершения одновременно двух действий — обработки и крашения... (Откуда, интересно, коллегия Верховного суда почерпнула такое разъяснение?) Между тем по делу не усматривается, что Орехов занимался крашением собачьих шкур...» Тоже верно. Зачем бы он стал их красить «под тигра», шкуры и так прекрасно шли в дело.

А решающим для суда, по-видимому, оказался тот факт, что «согласно Закону об индивидуальной трудовой деятельности от 23 апреля 1987 года изготовление продуктов из собак к числу запрещенных видов деятельности не относится». Здесь Закон судом изложен правильно. А жаль, а жаль...

Нет, не то жаль, что человек вышел на свободу, это можно только приветствовать. Выполняя свой долг, мы оповещаем всех заинтересованных двуногих и четвероногих: Орехов — вполне законопослушный гражданин. Но это никак не сказалось на нашем отношении к проблеме жестокого и циничного обращения с животными. Мы все еще думаем, что, охраняя права кошки, в том числе даже и бродячей, укрепляем в общественном сознании убежденность в незыблемости прав человека.

Напомним читателям, что Орехов не только отстреливал собак, порой на глазах трепетавшей общественности, но, скрашивая жутковатость своей профессии, занимался еще и киноискусством, смакуя в кадрах любительской кинохроники убийство животных. Впрочем, увековеченный на пленке садизм тоже оказался неподсуден.

В Таджикистане, в отличие от большинства других союзных республик, до сих пор нет закона, устанавливающего ответственность за жестокое обращение с животными, а бездомные псы вряд ли догадаются убежать от Орехова за границу (положим, хоть в Узбекистан). Да и там он сможет их достать безбоязненно, ибо в республиках, где такие законы приняты, они карают в основном лишь владельцев животных, а не любого прохожего дядю, которому пришла охота пульнуть в кошку булыжником.

В этих условиях и на почве расцвета в стране здоровых кооперативных сил кое-где уже начинает осуществляться давняя мечта Орехова об организованной на широкую ногу собачьей индустрии. До создания запланированных им ферм при мясокомбинатах, на которых будет осуществляться строгая «селекция собак по меху», дело, правда, пока не дошло, но появились кооперативы, отлавливающие собак и кошек, торгующие шубами и шапками из их шкур вполне официально и даже респектабельно.

Возможно, возвращение Орехова с его умопомрачительными проектами даст дополнительный импульс этому направлению легкой промышленности. Его не остановят никакие общества охраны животных, потому что эти гуманные общества, хотя и выросли, как грибы, во многих республиках и городах, но их представители не наделены никакими правами по пресечению собачьих жестокостей, и матерые кооператоры-убийцы просто посылают их куда Макар телят не гонял.

Но сколь бы ни рентабельны (а Орехов уже все подсчитал) обещали быть собачьи фермы, нам все-таки трудно примириться с таким решением Продовольственной программы и проблемы товаров народного потребления. Мы по старинке считаем, что собака — друг человека, и спорить с этим осмелится только тот, кто забыл азы нравственности и самое слово «друг».

Преподнесшее новогодний сюрприз многим честным кооператорам постановление Совета Министров СССР от 29 декабря 1988 года, запретив, например, кооперативную издательскую и кинодеятельность, промолчало по поводу переработки шкур домашних животных. А между тем если уж говорить об охране общественной нравственности от всепроникающего кооператора, то начать бы следовало именно с подобных видов деятельности, которые пропагандируют насилие и жестокость не по «видео», а в натуре.

И. САВЕНКО

ИСТЯЗАТЕЛЬ

Рассказ

Юрий Борисович терпеть не мог непрофильные работы. На совхозных грядках или на овощной базе косноязычные бригадиры доводили его до исступления, он пытался в скандалах добиться правды и смысла, в результате чего его начальству постоянно звонили из партбюро.

— Юра, — как-то сказал начальник, — когда прекратятся эти безобразные конфликты?

— Никогда! — твердо ответил Юрий Борисович.— Да мы, инженеры, люди мы вообще или кто? До каких пор будем в гнилье рыться, коров пасти, траву рвать, сено это? И, между прочим, поросят кастрировать?

— Другого выхода сейчас нет,— безапелляционно сказал начальник.— Получена разнарядка, — он поискал на столе бумажку,— в порядке шефской помощи требуют двух человек в ад — помогать мучить грешников...

— Куда?..— опешил Юрий Борисович и сел на краешек стула.

— Ну, преисподняя или как там еще... в общем, за пол-отгула. Если есть рукавицы, возьми. Лучше асбестовые. Еще Глебова пойдет, ты — старший.

В четверг утром Юрий Борисович встретился с Глебовой на автобусной остановке.

— Ехать до конечной, — сказала та, привычно засовывая по локоть руки в карманы ватника,— а там пешком. Сказали, сами увидим.

— Шахта? — угрюмо спросил Юрий Борисович, втискиваясь следом за ней в переполненный автобус.

— Что-то такое,— ответила Глебова.

В поле за автобусной остановкой стояла черная каменная башня. Юрий Борисович с Глебовой обошли ее и на окованной железом двери увидели табличку: «Ад. Служебный вход».

Глебова потянула ручку.

— Кажется, газом воняет, — понюхал Юрий Борисович, вытирая внезапно взмокший лоб.

— Как же, — ответила Глебова и странно посмотрела,— это ведь сера.

По затоптанной грязной лестнице они спустились к подземной реке, на берегу которой в утлой лодке сидел злобного вида дядька и курил махорку.

— Нам на ту сторону,— поздоровавшись, сказал Юрий Борисович.

Дядька выбросил окурок и молча пересел на среднюю скамейку.

— Вы — Харон? — спросила Глебова, оглядываясь по сторонам.

— Не твое дело,— буркнул дядька и, поплевав на руки, взялся за весла.

Сразу после закопченного и заплеванного причала шел ад. Повсюду шныряли по пояс голые неприветливые черти, бесконечными рядами стояли большие котлы, шкворчали чугунные сковороды, и отовсюду доносились вопли и нестройное хоровое пение. Поблизости бухал молот, и кто-то сорванным голосом кричал в мегафон, чтобы вели партию мучеников на штамповку конечностей.

К Юрию Борисовичу и Глебовой подлетел растрепанный черт с вилами и папкой под мышкой.

— Куда прете?! Вам еще рано! — дико вращая глазами, заорал он.— Кто пропустил?

— Ты что, это шефы пришли, — сказал неизвестно откуда появившийся пожилой вельзевул в двубортном костюме, с облупившимися рогами.— Идемте, товарищи, отметитесь и распишетесь за технику безопасности.

В подсобке Юрий Борисович, прежде чем расписаться, учинил обычный скандал.

— Безобразие! Что это вообще делается! — в тоске кричал он.— Я не умею мучить! Я инженер-конструктор первой категории, понимаете вы это или нет?!

— Вы зря повышаете голос,— отвечал ему вельзевул, протирая полой пиджака очки. — Ад должен функционировать, у нас всем гарантирована загробная жизнь. Чертей не хватает, грешников нынче во-он сколько, мы хронически не справляемся с планом. И вы, дорогой гражданин, умрете, и вас надо будет варить, за дровами смотреть, за смолой... Вот здесь записываю: «Истязатель четвертого разряда». Распишитесь. Будете лопатой перемешивать грешников в котле. А вы, девушка, пойдете на участок конфискации фигур, там пробка...

Возле огромного медного чана суетились два низкорослых черта. Они резво пилили дрова и бросали в огонь березовые чурки.

— Эй, давай наверх! — крикнули они, завидев Юрия Борисовича.— Размешивай!.. Закипело уже!

Юрий Борисович взобрался на деревянный помост, устроенный над чаном, и наугад ткнул в пар лопатой.

— А какой у вас технологический процесс? — спросил он сверху.

— Тут вся технология — в чан не свалиться, — отвечал один из чертей.— Ты не стой, наворачивай.

— А платят сколько?

— По горячей сетке.

Юрий Борисович разогнал лопатой пар и увидел в чане группу голых мужчин.

— Айда с нами попариться!..— закричали они, с дьявольским хохотом колотя руками по кипящей жидкости.

— Они нарочно смолой брызгаются, чтоб мы тут все перепачкались,— обиженно сказал другой черт и положил в огонь толстое полено.

— А кого варим? — поинтересовался Юрий Борисович, пытаясь соскрести с нейлоновой куртки черные капельки.

— Опричников и славянофилов-экстремистов.

Юрий Борисович оперся о лопату и поглядел в чан.

— Ребята, а вам не страшно тут? — спросил он, превозмогая головокружение.

— А чего нам сделается? — плескаясь, весело отвечали грешники.— Мы ведь уже умерли...

До обеда Юрий Борисович мешал лопатой в котле, а после гудка, спустившись с помоста, направился в подсобку.

— Какая норма? — спросил он вельзевула, который уже приготовил на столе бутерброды.

— Они все должны раскаяться,— ответил тот и, открыв клыкастую пасть, откусил хлеба с ветчиной.

— Так они все закоренелые,— нервно сказал Юрий Борисович.

— Аккорд, — ответил, жуя, вельзевул. — Все раскаются — даю справку и отпускаю домой.

Юрий Борисович пообедал в буфете ватрушками и прочитал стенную газету, в которой ад почему-то именовался профилакторием. Перед тем

См. стр. 12.

— Ты бы пошел, Емелюшка, с девками погулял!
— СПИДа боюсь, маманя...

Р. ДРУКМАН.

Г. ОГОРОДНИКОВ, Р. ДРУКМАН (тема).

— Подумаешь, рэкетир! Тут все стоят в очереди.

Бор. ЕФИМОВ, Ю. СТЕПАНОВ (тема).

Со стр. 10.

ИСТЯЗАТЕЛЬ

как вернуться на рабочее место, он снова заглянул в подсобку. Вельзевула не было, за столом трое чертей играли в домино, еще двое курили на скамейке у стены.

— Тебе чего? — неприязненно спросил один из доминошников, косся кровавым глазом.

— Не смейте мне тыкать! — вспылил Юрий Борисович.— Мало того, что у вас во всем ручной труд и вы отвлекаете инженеров от основной работы, ваша деятельность к тому же совершенно бессмысленна! Эти грешники не раскаются, они знают, что им ничего не грозит, потому что они уже умерли!..

— ... ! — не глядя бросил черт и ударил костяшкой по столу.

Юрий Борисович круто повернулся и ушел к себе на помост, где вновь взялся за лопату...

Часа в три один из опричников высунулся по пояс из чана и, подмигнув, сказал:

— Попить не хочешь?

— А где тут вода? — спросил Юрий Борисович, добросовестно пытаясь спихнуть грешника обратно в чан.

— Да вон!

Действительно, неподалеку стоял автомат с газированной водой, на котором было написано: «Только для персонала»

— Значит, так,— зашептал грешник, намертво стискивая лопату в мускулистой руке,— ты нам попить принесешь, а мы на сегодня раскаемся — шабаш! — Он протянул дымящуюся канистру.— К нам ребятишки из соседнего котла собрались, у старшого пятисотая годовщина со дня смерти...

— Не знаю я ваших дел,— раздраженно сказал Юрий Борисович,— отпустите инструмент!

Опричник страшно заскрежетал зубами, вырвал лопату и вместе с ней погрузился на дно чана.

Черти-истопники подняли громкий вой и стали грозить, что за лопату вычтут через бухгалтерию института, на что Юрий Борисович веско ответил, что напишет обо всех безобразиях в газету и что существует сговор между грешниками и рабочими ада... Так, в ругани, прошли оставшиеся два часа.

В пять Юрий Борисович явился в подсобку.

— Вы норму не выполнили,— хмуро сказал вельзевул.— У нас шефы разные приходят и у всех до трех каются, а то и до обеда. Вот вашу коллегу я с полдня отпустил, она хорошо работала.— Он надел очки.— Здесь вам не рай, у нас строго, я в справке указал ноль процентов выполнения нормы, пусть в вашей организации сделают выводы...

Через неделю по графику непрофильных работ опять подошла очередь Юрия Борисовича. Пробираемый нервной дрожью, он открыл дверь в кабинет начальника.

— То тебе плохо, это тебе плохо, с чертями поругался,— мрачно сказал начальник,— поедешь на птицефабрику. Они курей сдали в счет мясопоставок...

На птицефабрике после обычного крупного разговора с бригадиром тот заявил Юрию Борисовичу:

— Что значит — инженер-конструктор и не можете? Поначалу все не могут. А вы поднатужьтесь. У нас на третий день все несутся: и кандидаты, и доктора, и младшие научные сотрудники. Для вас норма — два десятка в день. Снесся — и домой, только за технику безопасности распишись.

Однако Юрий Борисович снес всего пять штук и ушел, хлопнув дверью. А на другой день подал начальнику заявление на расчет...

г. Харьков.

КОНКУРС ЧИТАТЕЛЬСКОГО ПИСЬМА

«ВАНДАЛИЗМ»

В 5-м номере мы напечатали письмо ветерана войны Б. Васильева, в котором говорилось об акте вандализма, о надругательстве над памятником-мемориалом, установленным под Ленинградом в честь подвига моряков 73-й отдельной морской стрелковой бригады. Моряки этой бригады вели ожесточенные бои за Ленинград, участвовали в прорыве блокады, многие из них погибли. На пьедестале искореженного памятника были намалеваны фашистские символы.

Автор письма выражает несогласие с ответом Ленинградского обкома КПСС (его подписала зав. отделом пропаганды и агитации Г. Баринова) на фельетон В. Витальева «Фюреры с Фонтанки». В ответе утверждалось, что факты нацистских проявлений в Ленинграде — дело прошлое. «По нашему мнению,— говорится в письме ветерана,— к сожалению, все обстоит так, как изложено в статье, без передержек и домыслов».

В предлагаемых вашему вниманию откликах на выступление Б. Васильева читатели высказываются и по поводу ответа за подписью Г. Бариновой.

Трудно описать гнев и возмущение, охватившие меня и моих товарищей, которым я прочитал эту статью. Причем негодование не только в адрес подонков, совершивших акт вандализма, но и в адрес работников Ленинградского обкома КПСС, считающих проявления фашизма в среде ленинградской молодежи делом прошлым и вроде малозначительным.

До чего мы дошли?

Какие-то ублюдки, не достойные звания советского человека, могут устраивать фашистские шабаши, бравировать свастикой, фашистскими приветствиями и даже угрозами ветеранам войны!

Неужели милиция, следственные органы МВД и КГБ Ленинградской области не могут найти этих подонков и привлечь их к ответственности? Или, учитывая непонятную снисходительность Ленинградского обкома, они не торопятся проявить служебное рвение?

Так неужели ленинградцы, настоящие ленинградцы, могут спокойно относиться к этому? Неужели мы в своем всепрощении дошли до того, что простим и это? Эти выходки (вспомните, например, осквернителей могил в Заполярье) считаем «невинными» шалостями молодых людей? Неужели у нас нет законов, сурово наказывающих оскорбление памяти погибших, чести и достоинства ветеранов, отдавших свои и без того скудные средства на сооружение мемориала-памятника?

Тов. редактор! Я прошел фронты Великой Отечественной с 41-го по 45-й год, неоднократно ранен, член партии с 1942 года, и мне стыдно за тов. Баринову, о которой идет речь в статье Вашего журнала, причем не только стыдно, я бы сказал, что ей нельзя доверять работу в обкоме, ей и ей подобным.

Я, может быть, обращаюсь не по адресу, но я требую от Вас, точнее от редакции Вашего журнала, приложить все силы и возможности одного из наиболее читаемых журналов, издаваемого центральной партийной газетой, употребить все Ваше влияние, побудить соответствующие органы найти этих фашиствующих ублюдков, разрушивших мемориал, и привлечь их к открытому публичному суду.

Я считаю, что коммунисты Ленинграда должны потребовать от обкома КПСС решительных действий против фашистской идеологии, проникающей в души молодежи города и области, города, носящего имя Ленина. Это позор и стыд идеологических отделов обкома.

Хотелось бы получить ответ о принимаемых мерах. Или органы МВД и КГБ считают разрушение мемориала малозначительным делом?

Ю. КРИВОНОГОВ, г. Свердловск.

●

Хочу высказать свое мнение по поводу статьи в 5-м номере Вашего журнала, озаглавленной «Вандализм». Слов нет, прискорбный факт. Но тревожно, что это не исключение.

И виноваты мы в этом сами. «Что посеешь, то и пожнешь»,— говорит российская мудрость. Сколько себя помню, а это около 70 лет, невольно был свидетелем, или, вернее, наблюдателем, когда мы в основном разрушали, а не возводили. Сколько разорено старинных склепов, часовен, надгробий. Никто не наказывался, наоборот, поощрялись, мол, все это буржуйское, не наше. А поэтому круши все подряд! За это время мы в духовно-нравственном отношении упали, по-моему, ниже нулевой отметки. Оскудели и зачерствели.

Подумать только, 44 года назад закончилась война, а до сих пор сотни тысяч незахороненных, сотни тысяч могил, стертых с лица земли. Я помню свое детство. В память врезались два холмика возле дороги недалеко от села. Во время праздников там горели лампады. Оказывается, в давнее время, еще даже не при моем дедушке, были захоронены два странника, умерших в разное время в пути.

У нас долгое время считалось, да и сейчас, по-моему, не изменилось, что нашей молодежи не хватает в селах клубов и дискотек. Дали им это. Ну и что? Загрузили их ноги, а руки и головы остались без дела. А ведь есть все, чтобы изменить положение. Громадные суммы тратятся на содержание всякого рода трутней от комсомола. Посмотрите, сколько их у дармовой кормушки. Громадные штаты в райкомах, горкомах, обкомах. Я не утверждаю, что весь комсомол таков. Много среди рядовых комсомольцев настоящих бойцов. Но они не у дел. У дел в основном «блатные», те, кто сидит там по блату.

Вот и ведется работа в основном по старинке, лекции да беседы. И забываем мы, что молодежь уже не та. Большинство из них на голову образованнее агитатора, читающего по бумажке, не умеющего объяснить простой вопрос.

М. ЯКОВЛЕВ, г. Харьков.

●

Пишет вам старший матрос дважды Краснознаменного Балтийского флота Богданов Сергей. Прочитал вашу публикацию о состоянии памятника матросам 73-й ОМСБ, оборонявшим Ленинград на Волховском фронте, и сердце сжалось от боли. Каким же нужно быть варваром, чтобы творить такое! Я не знаю, что это за «люди»! Неужели «им» нужно объяснять и рассказывать, какой ценой досталась Победа нашему народу. Неужели нужно рассказывать, что хотел сделать Гитлер, которому «желают здравствия», с Ленинградом? Да это же откровенный плевок в душу нам всем. Получается, что я и мои товарищи охраняем спокойную жизнь этих подонков?! А им это не нравится.

Что, силы много накопилось и девать ее некуда? Так пусть приезжают к нам, в Лиепаю, в гости, а там мы посмотрим, кто кому не даст покоя. И я уверен, что любой матрос станет на мое место и скажет то же самое.

Люди! Опомнитесь! О войне забывать нельзя! Неужели мы будем сидеть сложа руки и смотреть на то, как издеваются над нашей историей? Ребята, все, кто служил на флоте, ведь это же память о тех, кого мы сменили сегодня на наших кораблях.

Ну не могут выполнить свои функциональные обязанности ни отделение милиции пос. Мга и г. Кировска, ни зав. отделом пропаганды и агитации обкома КПСС тов. Баринова, так давайте сделаем все мы с вами. Осталась же еще доброта и человечность в наших сердцах!

С. БОГДАНОВ, г. Лиепая.

●

Я никогда никуда не писала, но, прочитав вашу статью «Вандализм», не смогла умолчать от горя и оскорблений нашей памяти. Кого же мы воспитали! Вандалов, у которых нет сердца и души — вернее, нет человечности.

Меня удивляет одно: где же были школы близлежащих деревень? Где же были местные руководители? Где же были родители этих детей? И волнует еще то, что это происходит на ранее оккупированной территории. Неужели эти люди не насмотрелись на издевательство и варварство фашистских захватчиков? Где же наше воспитание молодого поколения? Мой отец погиб на фронте Волховского направления в 1943 году. Останки погибших воинов были захоронены на ст. Назия. Когда мы с мужем приехали туда, нас на станции встретили с почтением, объяснили, где братская могила с монументами. Могила ухоженная, кругом цветы, склонены знамена. Значит, здесь есть забота местных школ, пионеров и комсомольцев и местных властей.

Я живу в селе, у нас тоже в районе есть мемориал погибшим воинам. Люди здесь испытали голод, всю тяжесть войны. Но, несмотря на трудности, они обрабатывали землю на коровах, быках и кормили фронт. Посылали теплые вещи.

Этот мемориал всегда ухожен, чист и достоин памяти погибших. Так что местным властям надо восстановить памятник, а к варварам должны быть приняты самые суровые меры наказания.

К. САВИНА,
ст. Выры Ульяновской области.

●

Честно говоря, при чтении вашей статьи становится больно за всех нас, за себя, за это ледяное равнодушие, за отписочку уважаемой инстанции в лице Ленинградского обкома КПСС.

Мне непонятно, откуда сейчас такая жестокость у 17—18-летних. Непонятно, откуда берутся всевозможные фанаты и группировки: то ли от безделья, то ли есть какие-то социальные предпосылки. Это вероятнее всего. Но как бы там ни было, а эти проблемы нужно вскрывать, о них писать, находить корни зла и искоренять его, не закрывать на все эти безобразия глаза.

Необходимо осмыслить, откуда же берутся жестокость, хулиганство, страшные убийства, наркоманы и другие негативные явления в нашей жизни. Мне кажется, что все это звенья одной цепи. И нам всем миром нужно переплавить эту цепь на хорошие и благородные дела, достойные нашего советского человека.

Дорогая редакция, напишите, что сделано для восстановления памятника. Чтоб жила память в сердцах наших людей. Держите эту проблему постоянно в поле зрения. Все честные люди нашей страны хотят, чтобы светлая память о наших отцах и дедах была действительно светлой.

С. БОРИСОВ, Липецкая область.

●

Здравствуйте, Борис Федорович!

С грустью прочел Вашу заметку о варварстве, учиненном над мемориалом. Варварство по своей сути неистребимо. Но очень многое упирается и в экономические вопросы.

Ныне я создаю семейную ферму в районе деревни Тортолово и возьму своим кооперативом охрану мемориала. Пусть матросы спят спокойно, они славно послужили родимой земле.

Сами знаете, на пути у нас, кооператоров, много преград. Это и бюрократы, ждущие особого приказания, чтобы передать землю в аренду и отпустить стройматериалы для обустройства, и взяточники, подсчитывающие наши доходы, и чиновники из жилсоцбанков, получающие, как уборщицы, и не видящие поэтому причин давать нам кредиты, и всевозможные активисты, считающие каждый гвоздь, вбитый в крышу семейной фермы, и лентяи, для которых главное — алкоголь или другой дурман, только не работа, и всякие воры. А вот друзей, искренне радеющих за процветание родного края, мало, мало также становится просто добрых людей. В старой русской деревне добрых людей было больше.

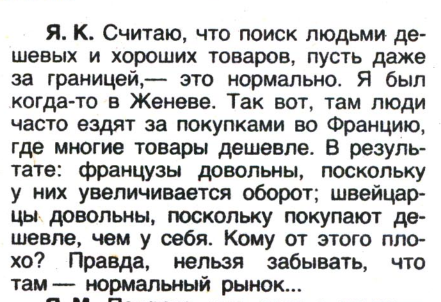
В районе деревни Тортолово беру в аренду кооперативом около 100 га земли, в нее войдет и Ваш Мемориал, вернее, наш Мемориал. Мой отец не бился в Вашей бригаде, но и отдал кровь за Ленинград.

В. ЧУВЬЮРОВ,
г. Новый Уренгой
Тюменской области.

ТАМОЖНЯ НЕ ДАЕТ «ДОБРО»

В один из весенних вечеров, на излете рабочей недели, в гости к Крокодилу пришли друзья-журналисты: поляк Януш КАРКОШКО (корреспондент варшавской газеты «Речь Посполита»), болгарин Валери НАЙДЕНОВ (Болгарское телеграфное агентство) и старый автор журнала москвич Яков МАЛЫКИН (Гостелерадио). Дело было, как уже указывалось, вечером, делать было (в смысле неотложных, сверхоперативных редакционных дел) нечего, а сочетание этих двух факторов неминуемо ведет к обсуждению глобальных проблем, от газификации страны («А у нас в квартире газ...») до взглядов на крупнейшие центры мировой политики («А из нашего окна площадь Красная видна...»).

С учетом состава гостей неудивительно было, что разговор зашел о проблемах, существующих сегодня в отношениях между европейскими социалистическими странами. Тон ему задал сам Крокодил, с присущей ему прямотою сказавший: «Все мы симпатизируем идее общеевропейского дома. Но не кажется ли вам странным, друзья, что в наши дни, когда в западной его половине интеграционные процессы уже близки к своему логическому завершению, у нас, в восточной половине, вдруг активно занялись возведением таможенных перегородок?». Последовала дискуссия за «круглым столиком» (его компактность объясняется малым числом участников).

ИЗ ДРУЖЕСКОЙ БЕСЕДЫ ЗА «КРУГЛЫМ СТОЛИКОМ»

Януш КАРКОШКО. На примере Польши могу сказать: нам, полякам, сейчас легче выехать в любую западную страну, чем в СССР, ГДР, Чехословакию! Загранпаспорт у нас теперь всегда в кармане, то есть дома, но, чтобы попасть в социалистическую страну, требуется приглашение. А на Запад — пожалуйста... Уж сколько лет существует СЭВ, сколько лет говорим об интеграции, а ведь до сих пор и в Польше, и в Советском Союзе легче создать совместную фирму с западной страной, чем, скажем, польско-советское предприятие... Теперь вот таможенные ограничения. Моя точка зрения: уж если вводить ограничения, так только экономические, а не административные. Есть же в конце концов такая штука — пошлина. Ну, и введите на телевизоры 100-процентную пошлину. Скажем, 650 рублей стоит телевизор, плати еще 650 на границе — и вывози себе на здоровье. Разве государству это невыгодно?

Яков МАЛЫКИН. Когда-то у нас была в моде рубрика «Если бы директором был я». Интересное преломление темы: «Если бы я был начальником таможни...»

Валери НАЙДЕНОВ. **Хоть мы и в гостях у Крокодила, но я-то все-таки представитель телеграфного агентства, и мне по штату шутить не полагается. Поэтому для начала скажу, что полностью одобряю все таможенные меры своего правительства. Это — мое мнение. Но я со своим мнением не согласен... По-моему, мы не должны поддаваться «таможенной» пропаганде. Ведомства утверждают, что защищают интересы потребителя. Ладно, допустим, какие-то товары туристами вывозятся. Но ведь другие-то, наверное, ввозятся? Почему же ведомства об этом умалчивают? Нужен объективный экономический анализ, как влияют на внутренний рынок вывоз и ввоз товаров частными лицами. Сделать его могут только независимые от таможенных служб комиссии, скажем, в рамках СЭВ, причем гласно и открыто.**

Я. М. Валери, а СЭВ не скажет, что у него и так болит голова из-за проблем экономического сотрудничества, совершенствования интеграционных механизмов?

В. Н. Да, СЭВ считает, что это не его забота. Он, мол, занимается программами, которые устремлены в XXI век. А то, что происходит вокруг, его будто бы не касается. Что же, выходит, СЭВ создан для научной фантастики? В Западной Европе есть налаженный таможенный механизм, они там садятся вместе за столом, анализируют проблемы, находят оптимальные решения. У нас же говорят, что таможенные правила — частное дело каждого государства. Но давайте не будем забывать, что все войны начинались с таможенных проблем, и все мирные соглашения касались урегулирования таможенных вопросов. Это я не к тому, что в Восточной Европе вот-вот грянет война, как вы, наверное, догадываетесь, просто хочу подчеркнуть важность этой проблемы. Если люди едут в соседнюю страну и меняют товар на товар, то это, согласно официальной точке зрения, не есть торговля. Пять тысяч лет это была торговля, а последние 10 лет, оказывается, уже нет. Зато «протокольные» поставки в рамках СЭВ называют торговлей, хотя некоторые специалисты полагают, что это скорее какая-то административная ее разновидность. В общем, сами понятия поставлены с ног на голову. Художники раннего средневековья не знали перспективы, изображая самое далекое большим, а близкое — маленьким. В эпоху Ренессанса принципы перспективы все изменили. Так вот, нужно поставить интересы человека в нужную перспективу. Повторюсь: не следует доверяться «таможенной пропаганде», она не избавлена от ксенофобии и шовинизма, а ведь в наших конституциях записано, что пропаганда международной розни должна быть запрещена. Знаете, я уже шесть лет работаю и живу в Москве. И вот на днях одна продавщица мне говорит: «Вы, болгары, здесь все время чем-то торгуете, по магазинам бегаете». Интересно, а как мне по магазинам не бегать, если я здесь живу? Я ответил: «А что, ваши в Софии только по театрам бегают?».

Я. М. Вскоре после введения новых таможенных правил решил я пройтись по нашим магазинам. Думал, теперь-то куплю наконец этот проклятый электроутюг. Не тут-то было! Нет утюгов. Икры паюсной, вывоз которой запретили, тоже не было. Может, она и была, но как-то не бросалась в глаза. Но справедливости ради надо сказать, что стирального порошка и дешевого мыла тоже не было, хотя эти товары и не являются предметом вывоза за рубеж. Что я хочу сказать? Таможенные ограничения не могут решить проблему дефицита на внутреннем рынке, и промышленности не следует полагаться на таможенников, ликвидация дефицита — ее прямая обязанность. Вот Болгария, конечно, намного меньше СССР. Но скажите, Валери, вам дали что-то ощутимое новые таможенные правила?

В. Н. Знаете, если у нас станет больше подсолнечного масла, которое перестанут вывозить, зато меньше электронных часов, которые перестанут ввозить, вряд ли это сильно улучшит положение на рынке.

Я. К. Считаю, что поиск людьми дешевых и хороших товаров, пусть даже за границей,— это нормально. Я был когда-то в Женеве. Так вот, там люди часто ездят за покупками во Францию, где многие товары дешевле. В результате: французы довольны, поскольку у них увеличивается оборот; швейцарцы довольны, поскольку покупают дешевле, чем у себя. Кому от этого плохо? Правда, нельзя забывать, что там — нормальный рынок...

Я. М. Понятно, что дело в ценах,— телевизоры есть и в Польше, но в СССР они дешевле...

Я. К. **По официальному курсу рубль — это двести с чем-то злотых. Но мало кто из поляков считает по курсу. Те, кто едет в Союз, везут из Польши какие-то вещи, которых здесь не хватает, в Вильнюсе полгорода — в польской одежде. Вывозят телевизоры? Ладно, но — посмотрите на улицу!**

Я. М. Между прочим, отсутствие сопоставимых цен мешает и экономическому сотрудничеству в рамках СЭВ. Я был в Болгарии на Софийском заводе металлорежущих машин. Они сотрудничают с Ивановским станкостроительным объединением, где директором Кабаидзе. Главная проблема, мешающая сотрудничеству,— взаимные расчеты. Скажем, у нас какая-нибудь шестеренка стоит 60 копеек, а в Болгарии — полтора лева. Как им рассчитываться между собой? Правда, есть договоренность, что предприятия, установившие прямые связи, могут расплачиваться национальной валютой...

В. Н. Это пока эксперимент, и в нем многое остается неясным. Если болгарский партнер что-то продает советскому, то последний должен платить в левах. Вы можете мне ответить, откуда он эти левы возьмет? Это что, непорочное зачатие?

Я. М. Есть, конечно, примеры хорошо налаженной кооперации. Возьмем продукцию ВАЗа. В «Ладах» все заинтересованы, и на завод поступают комплектующие изделия из Болгарии, Польши, других стран СЭВ. Но, к сожалению, таких примеров мало. Сколько я помню СЭВ, там всегда шла речь о международном разделении труда. Но получается какой-то заколдованный круг. Назову цифру, которая поражает: объем кооперированных поставок машиностроительной продукции в регионе СЭВ составляет всего 10 процентов. Это же мизерная цифра!

Есть некоторые вещи, которые простому человеку понять трудно. Если, предположим, в СССР налажено производство грузовиков, зачем их производить еще в Чехословакии, ГДР, Болгарии? Насколько я знаю, даже Куба поставляет отдельные виды грузовиков в ГДР.

Я. К. А лицензионная политика? Советский Союз покупает автозавод у «ФИАТа», румыны — во Франции, ГДР — у «Фольксвагена», все выкладывают твердую валюту...

Я. М. Вернемся к больному вопросу о вывозе телевизоров... Вы, конечно, знаете, Януш, что есть договоренность о совместном советско-польском их производстве. Есть тут, правда, одно небольшое «но». Договоренность-то достигнута, но потом оказалось, что нет нужных деталей...

Я. К. Детали есть. На Западе. Опять-таки проблема валюты... В конце концов телевизоры — это частный вопрос. В отношении СЭВ меня тревожат более общие вещи. Я убежден, что следует расстаться с действующим там принципом консенсуса, то есть единогласия. **Сложные проблемы нужно решать большинством голосов, ибо известно, что интересы стран-членов не всегда совпадают. До сих пор представитель какой-то одной страны мог встать и заявить, что не согласен с тем или иным решением, не объясняя даже почему. Отсюда второе: необходимость большей гласности в работе СЭВ. Если я, скажем, в своем репортаже напишу, что такой-то выразил свое несогласие и сел, у читателей возникнет, мягко говоря, заинтересованность, а почему он не согласен.**

Я. М. Я бы добавил еще: нам нужно лучше координировать свои действия. СЭВ добивается согласованности, старается учесть интересы сторон, и вдруг одна страна за другой начинают принимать решения о запретах на вывоз товаров. Кое-кто даже называет это «таможенной войной». Во всяком случае, это отдаляет нас от воплощения хорошего замысла — создания объединенного рынка. Дело непростое, создаваться такой рынок может только постепенно, но зачем же делать шаги назад? Доживем ли до прекрасного дня, когда, имея советские рубли, я смогу ехать с ними и в Варшаву, и в Софию?

Я. К. Не знаю, доживем ли, но стремиться к этому надо.

В. Н. Мы слишком много живем будущим: будет, будет, будет... Если бы нам экспортировать слово «будет», мы бы уже завалили им все рынки, включая японский! Давайте жить настоящим. Таможенная проблема — субъективно созданная, ее можно и должно решить. Решить вместе, исходя из объективных данных, как это делается в Западной Европе и вообще в цивилизованном мире.

Я. М. Боюсь, специалисты не оставят от наших рассуждений камня на камне.

Я. К. Но мы и не претендуем на

обладание абсолютной истиной, просто высказываем свои взгляды с позиций здравого смысла. Этот же здравый смысл подсказывает мне следующее: попросим Крокодила занести в протокол совместное заявление участников состоявшейся дискуссии. Что-нибудь вроде: «Участники беседы подчеркивают, что к таможенным службам всех заинтересованных стран, несмотря на высказанные замечания, они относятся с неизменной теплотой и глубоким уважением!»

Я. М. Согласен...

В. Н. И я подписываюсь!

Интересно, а что думает по поводу затронутых в беседе проблем специалист? По просьбе Крокодила свою точку зрения высказывает кандидат технических наук Сергей УГАРОВ, уже пятнадцать лет занимающийся вопросами деятельности Совета Экономической Взаимопомощи.

Подобного рода беседы журналистов всегда привлекают непредвзятостью суждений. Эта встреча за «круглым столом» (или «столиком») не была исключением. Собеседники касались наиболее острых внешнеэкономических вопросов и высказали ряд здравых суждений. И все же... эмоциональная сторона явно преобладает. Уделяя большое внимание столь сильно волнующему общественность вопросу, как таможенные меры, принятые рядом стран СЭВ, они почему-то именно их противопоставляют процессу западноевропейской интеграции. Слов нет, эффект от такого сопоставления получается впечатляющим. Но дело в том, что таможенные ограничения введены только рядом стран — членов СЭВ, а общим для всех этих стран является интеграция в рамках СЭВ, которая в настоящее время обретает второе дыхание. Совет Экономической Взаимопомощи приступил сейчас к осуществлению радикальной перестройки механизма сотрудничества и социалистической экономической интеграции. По существу, речь идет о создании новой модели интеграции, в основу которой положены выход на внешний рынок непосредственных товаропроизводителей (предприятий, организаций, объединений), их прямая кооперация, организация ими совместных предприятий и другие виды прямого взаимодействия. Именно это путь к производству высококачественных товаров с современными потребительскими свойствами.

Поэтому участники «круглого стола» совершенно правы, когда говорят, что введение таможенных ограничений не может быть решением проблемы дефицита. Вот только неправильно обвинять СЭВ в том, что его программы устремлены в XXI век, а текущими делами он заниматься не хочет. Таможенные ограничения, так же как и внешняя торговля,— прерогатива стран СЭВ, и Совет не имеет полномочий вмешиваться в такие действия. А вот создать систему сотрудничества, при которой необходимость в подобных мерах отпала бы,— это уже забота СЭВ. И решением этой проблемы Совет сейчас занят очень серьезно.

Девять стран СЭВ из десяти видят конечной целью упоминавшейся перестройки сотрудничества образование объединенного рынка. Но этому должны предшествовать изучение и создание условий и предпосылок для свободного перемещения товаров и услуг. Программа такой работы в Совете намечена, и если объединенный рынок не будет создан уже завтра, то не потому, что «СЭВ устремлен в XXI век», а потому, что формирование объединенного рынка — процесс длительный и поэтапный. Характер и степень осуществления реформ управления народным хозяйством в отдельных странах — членах СЭВ различны. Поэтому в формировании объединенного рынка первоначально могут участвовать не все страны СЭВ, а те, в которых имеются соответствующие условия для этого. Желательно, конечно, чтобы в этих странах были созданы национальные рынки, насыщенные высококачественными товарами и услугами.

Естественно, для этого требуется решить проблему конвертируемости валют и установления их реальных курсов, разработать систему образования цен на обмениваемые товары, основанную на учете как издержек производства, так и цен мирового рынка.

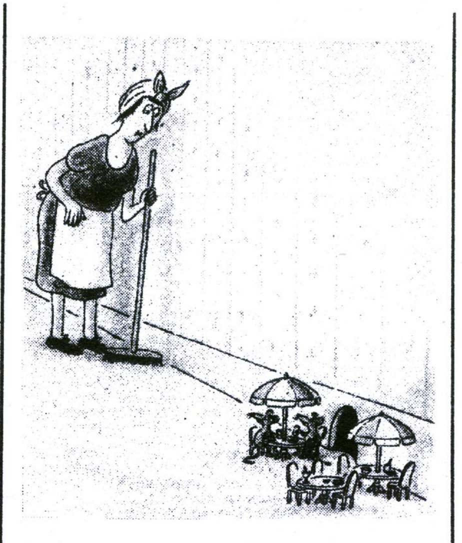
Для всего этого, как я уже говорил, требуется время. Однако неверно было бы думать, что страны СЭВ собираются пассивно ждать, пока сами собой созреют условия для формирования объединенного рынка. Они уже сейчас ведут поиск во многих направлениях. Например, уже проводятся национальные оптовые ярмарки средств производства с приглашением покупателей из других стран, ведется торговля при отсутствии ограничений на контингенты товаров. Семь стран участвуют в эксперименте по расчетам между предприятиями, установившими прямые связи, в национальных валютах, о чем упоминают участники «круглого стола».

Кстати говоря, насчет «непорочного зачатия». Во-первых, предприятие может купить валюту партнера в банке, через который идут расчеты. А во-вторых, разве лучше было бы, если советский партнер расплачивался с болгарским рублями, а болгарский с советским — левами? Тогда возникала бы проблема использования «бесполезной» по условиям договора валюты партнера. Правильнее было бы предоставить право выбора валюты для расчетов сотрудничающим предприятиям. Так и сделано в последнем из подписанных договоров такого рода — советско-польском. Ожидается, что в предыдущих будет сделано соответствующее указанное изменение. Так что жизнь вносит свои поправки. Но эксперимент потому и есть эксперимент, что позволяет проверить варианты. Добавлю, что и банки стран СЭВ и МБЭС буквально на ходу подстраиваются под новые условия, существенно расширяя сферу своих услуг предприятиям, участвующим в новых формах сотрудничества.

В странах СЭВ изучается возможность создания зон свободной торговли, а в ряде стран такие зоны уже созданы.

Все это свидетельствует в пользу того, что не стóит противопоставлять введение таможенных ограничений идее создания объединенного рынка стран — членов СЭВ. Принятие этих мер вызвано, по-видимому, тем, что в условиях дефицита товаров закупки гражданами других стран начали производиться в таких размерах, что это вызвало определенное нарушение национальных балансов.

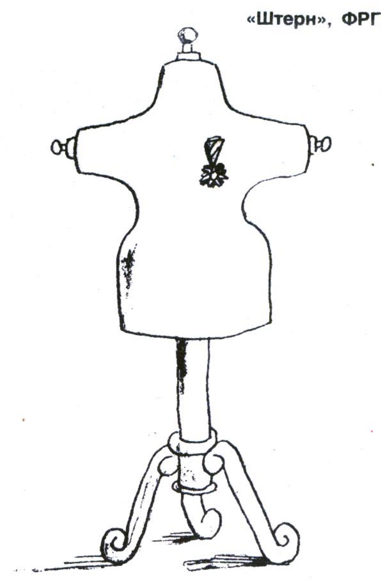
Меры эти, безусловно, временное явление, и их скорейшей отмене должен способствовать курс СЭВ на создание условий для беспрепятственного движения товаров и услуг через границы наших стран. Не надо забывать и то, что мы находимся в начале пути, по которому ЕЭС идет уже более 30 лет. Вспомните о многочисленных экономических «войнах», пережитых «Общим рынком», который, кстати говоря, и через 30 лет еще не стал общим, по мнению его участников. Путь к звездам всегда лежит через тернии, и в свое время таможня обязательно даст «добро».

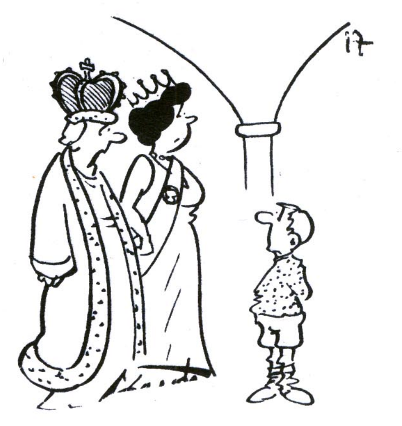
«Нью-Йорк таймс», США.

«Штерн», ФРГ.

«Рогач», Чехословакия.

— Вы ошибаетесь, молодой человек, мы не шахматные фигуры.

«Еммет», Норвегия.

●

— Представь себе, Вилло, одна моя знакомая в один прекрасный день познакомилась с мужчиной, в тот же вечер вышла за него замуж, а наутро развелась. Что ты на это скажешь?

— Утро вечера мудренее.

●

Два приятеля едут в автомобиле со скоростью 160 километров в час.

— Ну и скорость! А что с нами будет, если отлетит колесо?

— Не волнуйся, у меня есть запасное.

●

Полицейский задержал двух пьяных шотландцев и спрашивает их:

— А где третий?

— Какой третий?

— А тот, который за вас платил.

●

Гость обеспокоенно говорит хозяйке:

— Ваш пес как-то недобро смотрит на меня.

— Не обращайте внимания. Он всегда так смотрит на того, кто ест из его миски.

●

— Господин судья, это несправедливо. В прошлый раз, когда я обозвал своего соседа свиньей, вы оштрафовали меня на 200 франков, а теперь — на 500.

— Сожалею, но свинина за это время изрядно подорожала.

●

Маститый кинорежиссер начинающей актрисе:

— Я приглашаю вас сниматься в моей новой ленте и обещаю через год Оскара.

— А если это будет девочка?

●

Среди приятелей:

— Скажи, за что мы можем сегодня благодарить эту проклятую химию?

— Только за блондинок...

●

Врач, осмотрев пациента:

— Нервы расшатаны до предела, так что никаких выпивок, никакого курения и никакого национализма!

●

— Вы гарантируете, что это подлинный Рембрандт?

— Да, гарантия на три года.

●

Жена пишет мужу из Парижа: «У меня нет слов описать все увиденное здесь, так что перехожу на цифры».

●

— Где собирается проводить это лето ваша семья?

— Дочь — в Швейцарии, сын — в Индии, жена — в Париже, ну, а я по этой причине скорее всего в тюрьме...

●

— Дорогой, представляешь, я похудела на два килограмма!

— Едва ли,— скептично ответил муж.— Попробуй встать на весы после того, как наложишь грим.

Из журналов «Рогач», ЧССР, и «Стыршел», Болгария.

БА! ЗНАКОМЫЕ ВСЁ ЛИЦА!

Игорь НИКОЛАЕВ

Айсберг растает,
Сломается мельница,
И незнакомка исчезнет во сне.
Все переменится,
Все перемелется...
Шлягер останется в той же цене!

А. СИВИЦКИЙ, Ю. ТИМЯНСКИЙ.

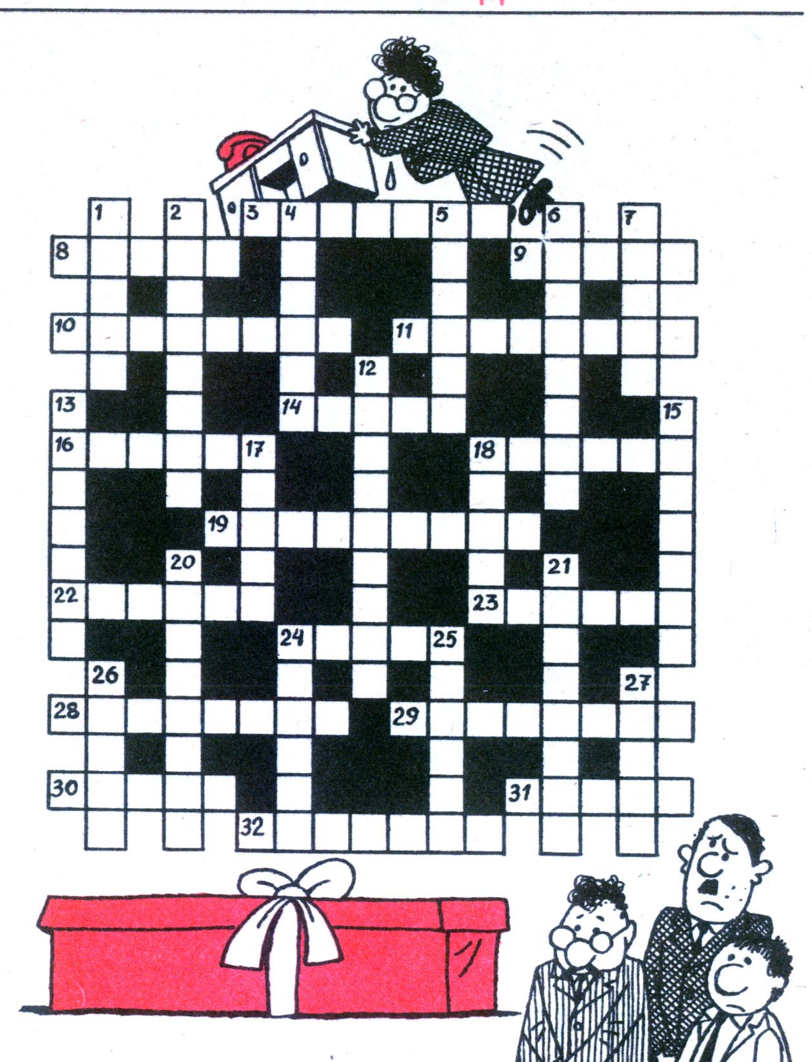
Дружеский шарж И. ЛОСОСИНОВА.

КРОКОДИЛЬСКИЙ ВЕСЕЛЫЙ КРОССВОРД

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 3. Кукушка на корабле. 8. Топорный тупица. 9. Деревенский каньон. 10. Ребенок, способный семь нянек обеспечить работой. 11. Ходовая головоломка. 14. Сорное бескультурье (полеводческ.). 16. Глубинный тактический прием. 18. Нашестница. 19. Шеф макси-коммуналки. 22. Бедность в превосходной степени. 23. Прихожая на колесах. 24. Военный сушняк. 28. Свояк у судьбы. 29. Критерий, по которому дети встречают визитеров. 30. Лучший друг свидетеля (свадебн.). 31. Ход в гору. 32. Засольная рыба.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Необъезженный мотоциклист. 2. Кинжальная взятка. 4. Долг в законе. 5. Абрикосовая сушка. 6. Гарантированный угол в 2000 году. 7. Знание, покрытое мраком. 12. Расписка года. 13. Снотворная комната. 15. Сдвиг по службе. 17. Золотая показуха. 18. Материал для строительства высокогорных дорог. 20. Залетка из космоса. 21. Бацилла — носительница хохота. 24. Два очка на нос. 25. Единодушный аплодисмент. 26. Ручной указчик. 27. Последний подарок группы товарищей.

Составил Б. ВАСИЛЬЕВ.

ОТВЕТЫ НА КВК, ОПУБЛИКОВАННЫЙ В № 15

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 2. Гудрон. 4. Ссора. 5. Экскаватор. 9. Отклик. 10. Жилетка. 11. Пустышка. 14. Стартер. 17. Лодка. 18. Шпаргалка. 20. Ложка. 22. Пеленка. 24. Зонт. 27. Фанат. 28. Судья. 29. Стапель. 31. Дилижанс.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Аббревиатура. 2. Горе. 3. Галоши. 4. Сила. 6. Сахар. 7. Олимпиада. 8. Череп. 12. Стрекоза. 13. Галерея. 15. Рокот. 16. Тоска. 19. Жена. 21. Овал. 23. Круг. 25. Пятки. 26. Шаг. 30. Принц.

НАРОЧНО НЕ ПРИДУМАЕШЬ

«Пассажиры с необмотанными рогами к посадке не допускаются!»

(Из объявления в аэропорту).
Прислал И. Бычихин, г. Анадырь.

«Сдается квартира с ребенком».

(Из объявления).
Прислал А. Липский, г. Томск.

«Совместно с антиобщественными поступками, нарушениями трудовой и производственной дисциплины, пьянством и лодырничеством ведет пропаганду правовых знаний».

(Из инструкции «Организатор культурно-массовой работы в профгруппе»).
Прислал В. Девятов, г. Москва.

Мороженое сливочн. в глаз.
1/100г

0-22к

Прислал А. Ковалев, г. Днепропетровск.

«Попробуйте, может, и вам придутся по вкусу шампуни и одеколон фабрики «Лола»...»

(Из телепередачи).
Прислал Б. Баранов, г. Жуковский.

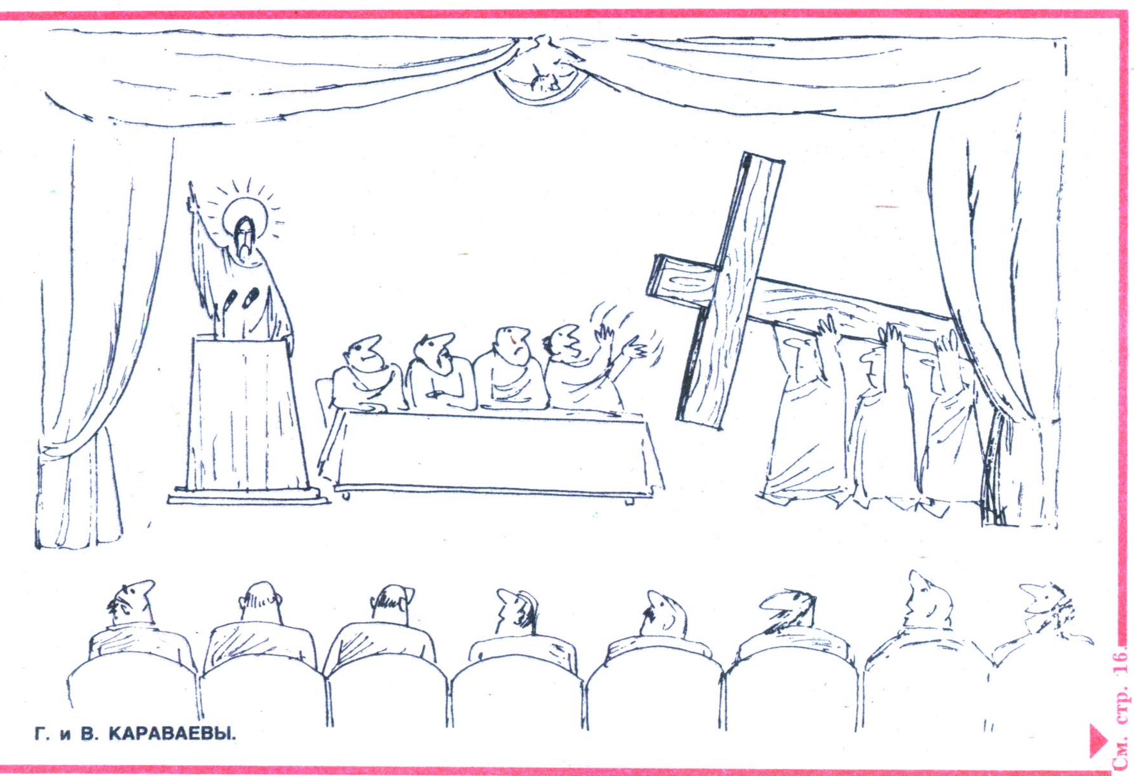

«АЛЬТЕРНАТИВА»

«АЛЬТЕРНАТИВА»

Таким модным, хотя уже и слегка затертым словом была названа выставка сатирической графики, которая расположилась в выставочном зале Тимирязевского района столицы. Ее организаторы — Министерство культуры РСФСР, Союз художников РСФСР, журнал «Крокодил». Семьдесят восемь художников из двадцати пяти городов России — от Азова до Ярославля — были представлены ста шестьюдесятью четырьмя работами.

Крокодильскими почетными дипломами награждены авторы наиболее острых злободневных рисунков:
Станислав АШМАРИН (г. Свердловск),
Галина и Валентин КАРАВАЕВЫ (г. Москва),
Валерий МОХОВ (г. Москва),
Игорь НОВИКОВ (г. Звенигород),
Вячеслав ПОЛУХИН (г. Москва),
Ростислав САМОЙЛОВ (г. Москва),
Михаил СЛОБОЖАНИН (г. Пермь),
Виктор СКОПИНЦЕВ (г. Пермь),
Сергей ТЮНИН (г. Москва),
Борис ТРЖЕМЕЦКИЙ (г. Москва),
Альфред ШТАБЕЛЬ (г. Уфа),
Анатолий ГИЛЕВ (г. Челябинск).

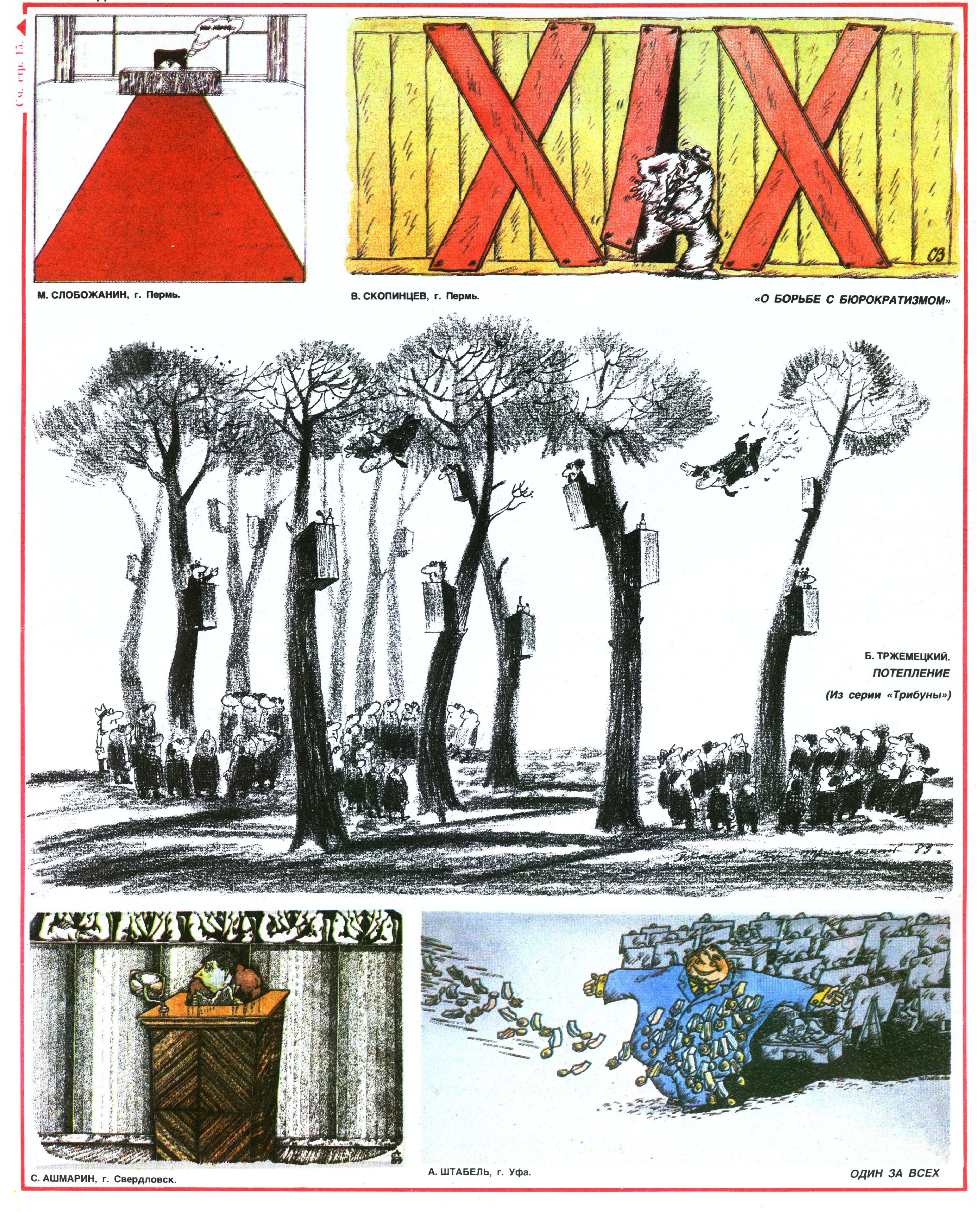

Г. и В. КАРАВАЕВЫ.

См. стр. 16.

30 коп. Индекс 70448.

См. стр. 15.

М. СЛОБОЖАНИН, г. Пермь.

В. СКОПИНЦЕВ, г. Пермь.

«О БОРЬБЕ С БЮРОКРАТИЗМОМ»

Б. ТРЖЕМЕЦКИЙ.

ПОТЕПЛЕНИЕ

(Из серии «Трибуны»)

С. АШМАРИН, г. Свердловск.

А. ШТАБЕЛЬ, г. Уфа.

ОДИН ЗА ВСЕХ